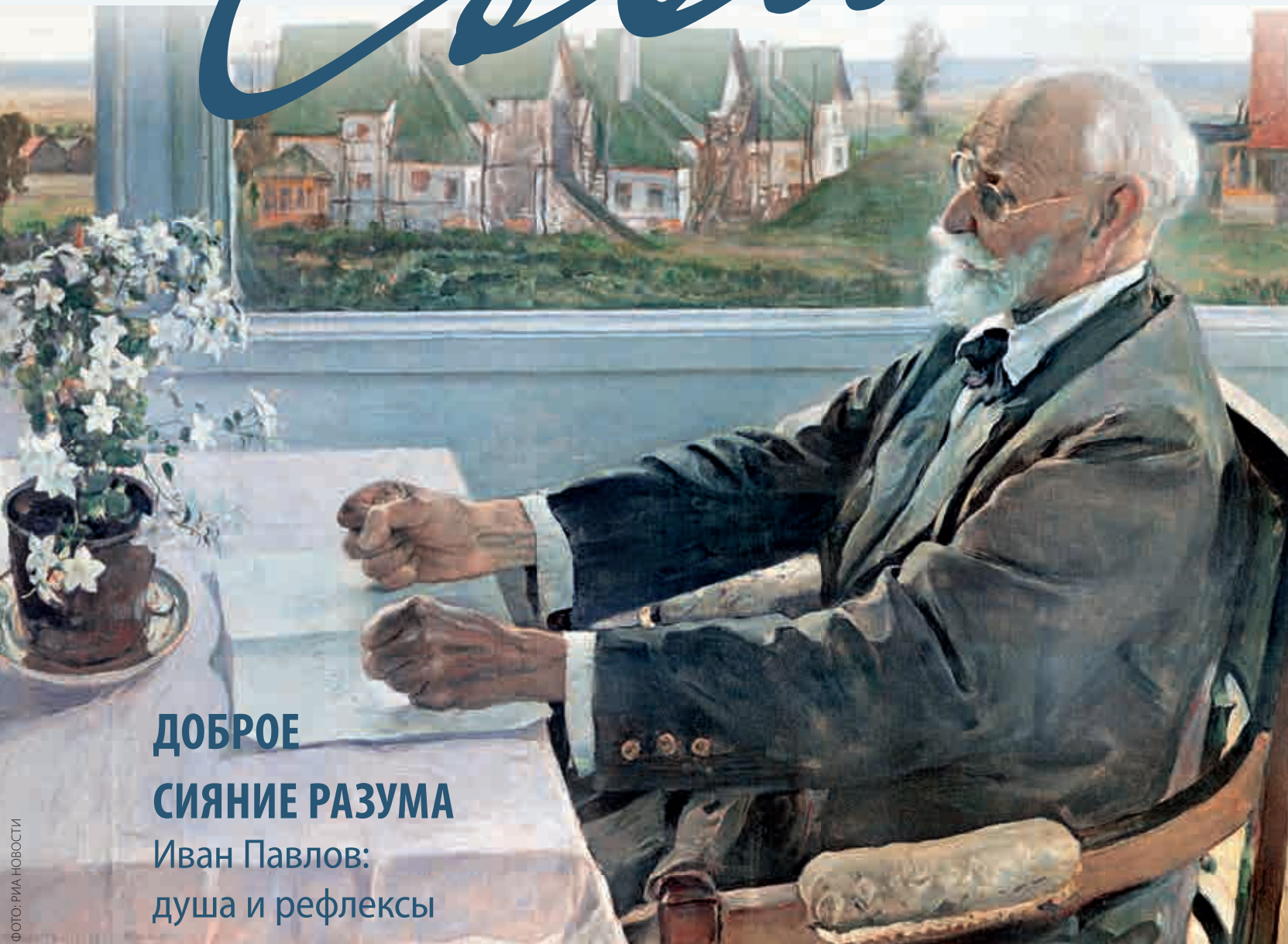

Своя

сентябрь 2014

журнал
Никиты Михалкова

ДОБРОЕ СИЯНИЕ РАЗУМА

Иван Павлов:
душа и рефлексy

Прощай, Галиция

Как львовяне
Николая Романова
чествовали

Битой по рюхе

Городки
вытесняют боулинг

Жизнь Арсеньевых

«Русские безъ Россіи»
возвращаются

ВОЛНУЮЩЕЕ чувство испытываю я, когда доводится выступать перед иностранцами. Навероятно остро понимаешь тогда, что русский ты человек и каждая капля твоего дела приносит Родине пользу или вред. Это чувство всегда было остро во мне, но сейчас я все более вдумываюсь в него... Только пустые люди не испытывают прекрасного и возвышающего чувства Родины

Иван Павлов (1849 – 1936)

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

сентябрь 2014

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Уроки истории	25	Последний бой Мастера <i>Под Калугой открывается диорама «Стояние на Угре» работы Павла Рыженко</i>
3–5	Национальная идея Святая Русь и Великая Россия <i>Перечитываем «Манифест просвещенного консерватизма»</i>	26–30	Русские безъ России Жизнь Арсеньевых
6–9	Третий Рим Эстафета Мономахов <i>Как Москва обрела свои царственные регалии</i>	31–35	Славянский рубеж Футбол против геноцида <i>Юные сербы из Косово в гостях у российских друзей</i>
10–13	Война и мир Прощай, Галиция <i>Разгром войск Австро-Венгрии (1914) и его последствия</i>	36–39	Другие берега Дмитрий де Кошко: «Европейские ценности теперь защищает Россия»
14–18	Русский гений Доброе сияние разума <i>165 лет назад родился Иван Петрович Павлов</i>	40–43	Наш Крым Как иранский шах Хрущева пристыдил
19–21	Забавы молодецкие Битой по рюхе <i>«Бабки», «клетки», «поросята» вновь становятся популярны</i>	44–47	Русский след Кому улыбается Гранд-дама <i>Успехи нашего кино на фестивале в Венеции</i>
22–24	Возвращение имени Наследство сибирского короля	48	Трапезная Эх, яблочко...

Главный редактор Елена Ямпольская, шеф-редактор Наталья Семина, ответственный секретарь Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

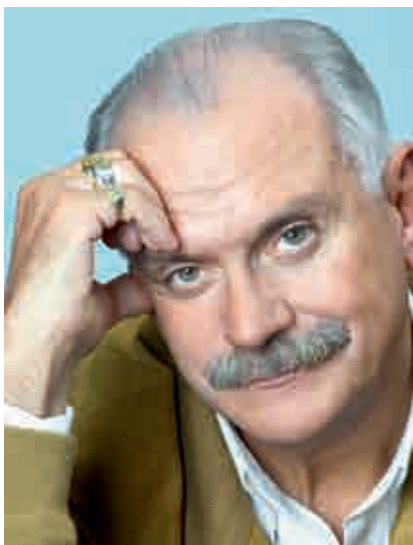
«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 22 500

Подписано в печать 15 августа 2014 г.

Уроки истории

Не устаю повторять, что просвещенный консерватизм похож на дерево: корнями оно уходит глубоко в почву. Корни эти дают стволу возможность стоять незыблемо, а ветвям — раскачиваться под разными ветрами. Каждую осень опадают листья, каждую весну опять набухают почки, и дерево снова расцветает... Корневой системой для просвещенного консерватизма являются история и традиция.

Практически история равняется мировоззрению: что рассказывали ребенку на уроках истории, такой и получается в итоге человек. Пишут историю зачастую толкователи, и очень многое зависит от того, насколько они были зависимы, в какой мере их вынуждали трактовать происходившее, исходя из сиюсекундных интересов, из текущей политической или экономической ситуации. Хорошо, если освещение под определенным углом зрения в дальнейшем было объяснено. В противном случае возникают — не мифы даже, а устойчивые клише, — на века приговаривающие тех или иных деятелей оставаться оклеветанными. Возьмите Ивана Грозного, который снискал репутацию монстра, кровавого злодея, палача. Однако, если сравнить деспотизм Грозного с тем, что происходило в те же времена в Европе, злодеяния нашего царя покажутся детским лепетом.

Более того: первый официально венчанный на царство русский государь, добившийся, чтобы за время его правления территория страны увеличилась в два раза, осознавал свою жестокость, каялся в ней. В отличие от представителей «цивилизованного» западного мира, которые творили еще более страшные злодеяния и считали все это справедливым и правильным, никогда не склоняя головы в покаянии. Как, собственно, поступают они и сегодня.

Наиболее близким и ярким примером того, как история становится руководством к действию, являются нынешние события на Украине. В течение последних двадцати лет специально подготовленные, продуманные на Западе учебники истории с детского возраста растили людей, распираемых каким-то псевдонациональным тщеславием. Что самое страшное: такое преподавание похоже на татуировку. Его нельзя смыть. Выводится оно только через страшнейшие испытания, кровь и войны.

Мой отец поэт Сергей Михалков сказал: «Сегодня — дети, завтра — народ». Из украинских детей, штудировавших учебники истории, написанные с определенным прицелом, вырос народ, для которого этот прицел стал оптическим. А ствол ружейный направлен в своего же брата.

Каким должен быть единый учебник истории? На мой взгляд, нам необходим конкретный, зачастую критический, порой нелицеприятный и по возможности справедливый взгляд на события. Но — обязательно ослепленный любовью! Не надо елеса и фальши. Но ведь и жестокая правда без любви есть ложь, как сказал один мудрый старец. Основой истории должно быть наше постоянное поступательное развитие, наше общее движение вперед. А не страшный перечень ошибок и преступлений, коих у нас тоже достаточно — но не больше, чем в любом другом государстве.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Своя'.

Святая Русь и Великая Россия

В последней четверти XX столетия, на развилке эпох, россияне сами придумали о себе шутку как о «стране с непредсказуемым прошлым». Разумеется, в том, что со сменами политических режимов и экономических систем отечественная история всякий раз «корректируется», купируется, по-новому интерпретируется, а то и вовсе радикально пересматривается, ничего хорошего нет. С подобной чехардой пора покончить. Именно к этому призывали в разные времена самые выдающиеся наши соотечественники (вспомним хотя бы высказывания Пушкина о родной истории), а сейчас призывают просвещенные консерваторы, патриоты России. Продолжаем публиковать фрагменты «Манифеста просвещенного консерватизма. ПРАВО и ПРАВДА» (2010).

Национальная идея

Путь Империи

Киев — начало «Святой Руси». Князь Владимир крестил русских людей в православную Христову веру.

«Святая Русь» расцвела во Владимире попечением и подвигами великого князя Андрея Боголюбского и, окрепнув в череде столетий, стала сердцем Московского Царства. В ту пору вера органично входила в быт, а быт в веру. Государственная идеология была неотделима от православного мирозерцания, от симфонии Царства и Священства. Вся жизнь в Церкви — вот аксиома Москвы, исторический корень того мироощущения, которое принято называть церковно-консервативным.

Петровские реформы выводят гражданскую и государственную жизнь России за церковную ограду. «Великая Россия» знаменовала собой Россию Имперскую. Миру был явлен Петербург, девизом которого станут слова наказа Екатерининского: «Россия есть государство европейское». На место Патриарха вступил Синод. Симфония властей преобразилась. Вся жизнь в государстве — вот аксиома Петербурга, исток того российского мирозерцания, которое принято называть государственно-консервативным.

Российская Империя повторяла путь Империи Византийской. Волей императоров все больше становилась она «Великой Россией» и все меньше оставалось в ней «Святой Руси». Указами самодержцев вершились «государственные преобразования», проводились политические, экономические и судебные реформы, способствовавшие «гражданскому освобождению».

В начале XX века революционная общественность подняла на щит

лозунг «Вся жизнь в гражданском обществе» и вывела людей на улицы Петрограда. Это стало началом мировоззрения, которое принято называть либерально-демократическим.

В 1914 году, защищая православную Сербию, Россия вступила в Первую мировую, закончившуюся для нее чередой революций, сокрушивших многовековую монархию.

Пережив Гражданскую войну и эмиграцию, императорская Россия превратилась в Советский Союз — «Великую Россию без Святой Руси». Вся жизнь в партии — вот аксиома советской России и основа той идеологии, которую принято называть коммунистической.

С середины 1920-х годов страна стала работать и жить «на пределе возможностей». Жизнь превратилась в борьбу за существование. Советские люди постоянно ощущали себя окруженными внутренними и внешними врагами. Основанный на страхе политический режим сопровождался массовым энтузиазмом и личной жертвенностью. Были пройдены тяготы коллективизации и индустриализации. Пережиты ужасы и боль

ГУЛАГа. Ликвидированы безграмотность, бандитизм, беспризорничество. Победены нищета, болезни и голод. Был совершен народный подвиг победы в Великой войне, после которой наша страна, в очередной раз рывком преодолев экономическую разруху, первой освоила космос.

Однако, в конце 1960-х годов достигнув максимума от того, чего можно было достичь при советской форме государственного устройства и социалистическом режиме, «советский народ», на плечи которого выпали невероятные тяготы мобилизационной работы, — надорвался. Пафос коммунистической идеологии и потенциал советской государственности были исчерпаны. Большевицкий эксперимент вступил в завершающую фазу. На теневых прилавках «административного рынка» начался демонтаж централизованной системы советского государства и права, сопровождавшийся разложением партийной элиты, деградацией социалистической общественности и распадом системы ценностей советского человека.

В середине 1980-х годов началась перестройка, а в 1991 году Советского Союза не стало. Последний акт был разыгран быстро и стремительно, так же как и в 1917 году. Казавшаяся незыблемой власть рухнула в три августовских дня...

В то время мы не отдавали себе отчета в том, что принимаем участие в событиях, имеющих всемирное значение. В событиях, в результате которых будет осуществлено не только переустройство отдельно взятой страны — Советского Союза, но будет совершен политический и экономический передел мира.

Это была геополитическая революция.

В итоге мы вступили в XXI век, проживая уже не в «Святой Руси» и не в «Великой России», а на территории Российской Федерации. У нас новые государственные границы: на Кавказе — как в начале XIX века, со Средней Азией — как в середи-

не XIX века, и, что намного драматичнее для нас, с Западом — как в 1600 году, то есть после царствования Ивана Грозного. От Советского Союза мы, граждане Российской Федерации, унаследовали 75% территории и 51% населения. Более 20

миллионов наших соотечественников оказались за границами России и, в сущности, стали эмигрантами.

Такова цена, заплаченная русским народом за обретенную в конце XX века государственную независимость и личную свободу.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Юрий Поляков,
писатель, главный редактор
«Литературной газеты»

Историю можно в какой-то мере сравнить с символом веры. В одной и той же истории нетрудно найти то, что возвышает, вдохновляет, зовет на большие свершения, и то, что возмущает, отталкивает. И все это можно сказать абсолютно про любую историю — американскую, британскую, французскую и т. д. Каждую из них можно описать и трактовать таким образом, что захочется с данной страной покончить раз и навсегда.

Полагаю, что любой нормальный человек должен свою историю, прежде всего, любить. И понимать, что весь ее ход привел в конечном итоге к тому, что живет он именно здесь и сейчас.

Нужно добиваться того, чтобы она была написана с точки зрения интересов России. Это парадоксально, но некоторые вехи, этапы в наших учебниках представлены так, словно при их составлении учитывались в первую очередь интересы других, мягко говоря, не вполне дружественных нам государств. Приведу такой пример. К Октябрьской революции сейчас отношение, во всяком случае со стороны истеблишмента, по преимуществу отрицательное. Все, что с ней связано, подвергается резкой критике, то есть советская точка зрения на это событие радикально пересмотрена. И в то же время трактовка деятельности антиреволюционных, охранительных сил — идеологов и носителей русского консерватизма XIX века, патриотических движений

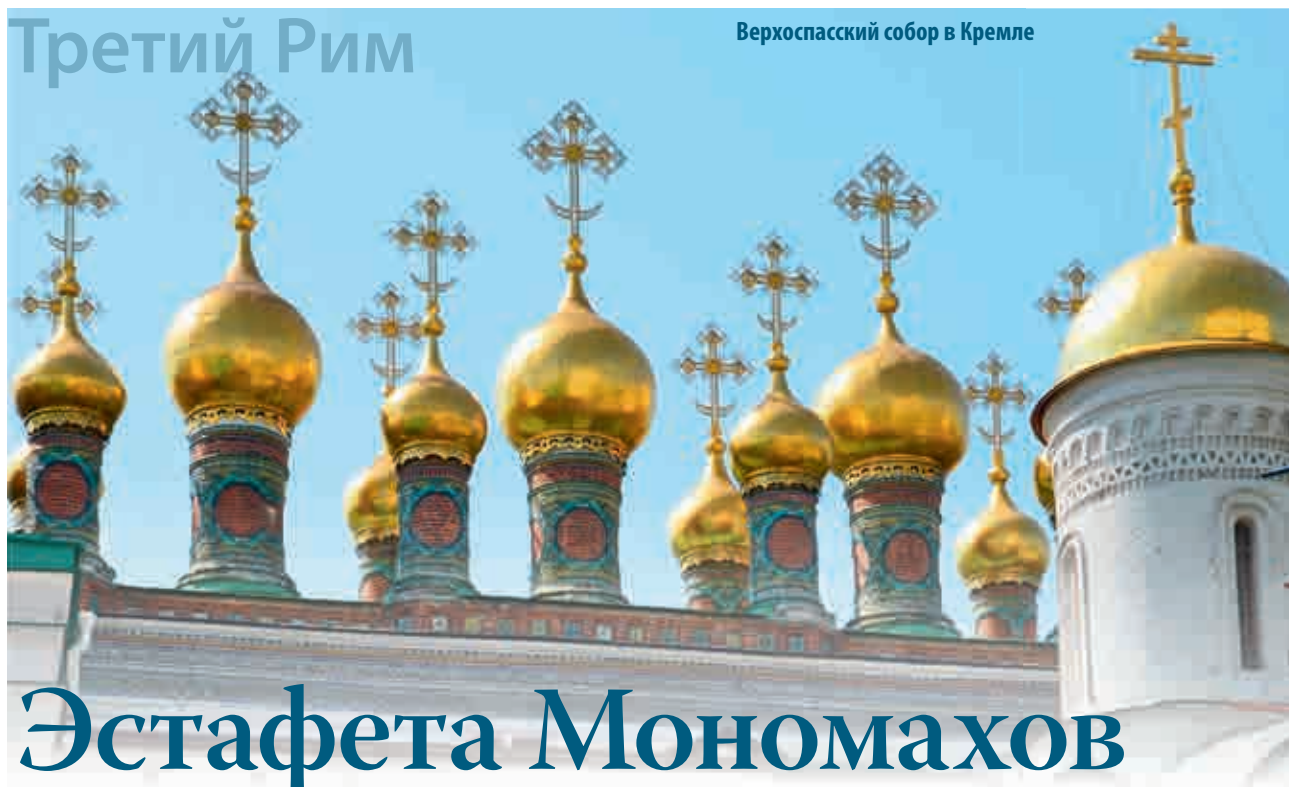
начала XX столетия, крупных национальных публицистов и общественных деятелей того времени — дается такая, будто советские времена никуда не делись.

Наша основная задача заключается в том, чтобы отечественная история — военная, политическая и прочая (и в том числе, разумеется, история культуры) — работала на воспитание гражданина, ответственного за судьбу своей страны и понимающего, что Россия — это сверхценность.

На этом фоне, к примеру, нынешний «заблагоразумный» предъюбилейный ажиотаж в связи с приближающимся столетием А.И. Солженицына, на мой взгляд, выглядит в какой-то мере неуместным. Не стану обсуждать литературно-художественные достоинства его творений, однако вынужден заметить: Солженицын не просто уехал в свое время из Советского Союза (а СССР, хотим мы того или нет, по сути одна из политических версий исторической России), но фактически призывал американцев начать против него войну. Никто не предлагает вычеркнуть Солженицына из списка выдающихся соотечественников, но и культовую фигуру из него лепить явно не следует. Чтобы деятели культуры молодого поколения не делали для себя заведомо порочных выводов. В противном случае власть всегда будет видеть перед собой потенциал для очередного «болота».

Третий Рим

Верхоспаский собор в Кремле

Эстафета Мономахов

Дмитрий Володихин

«Плавающая», сентябрьская дата празднования Дня города досталась Москве с советских времен. Как и официальный гимн столицы, хорошо знакомый каждому россиянину. В том, что эту традицию у нас сохранили, нет ничего плохого и даже мало-мальски спорного. Однако, признавая ценность преемственности поколений, вспоминая славную историю Москвы, нелишне обратить внимание и на те полузабытые ныне традиции, которые наши далекие предки считали сакральными, вечными.

Москва XIV–XV веков

ВТУ ПОРУ, когда митрополит Иларион создавал «Слово о законе и благодати», Русь умела мыслить себя как значимую часть безбрежной христианской цивилизации.

С раздроблением Древнерусского государства создающая сила русской исторической мысли ослабела. Самая черная эра в судьбе Руси — от Батыевой рати до поля Куликова — была не только годами разорения, унижения, распада, но еще и веком великой немоты. Дар возвышать мысль над обыденностью отнялся, как живое слово отбирается у насмерть испуганного человека. Способность осознавать общерусское единство, интеллектуально встраивая его в симфонию мирового христианства, словно погрузилась в дрему. И не покидала этого царства снов ни при Михаиле Тверском, ни при Иване Калите, ни при Иване Красном.

Время от времени, вспышками, она пробуждалась. Так память о великой победе на поле Куликовом родила эпическую поэму «Задонщина». Автор «Задонщины» протягивает нить исторической памяти между Москвой и Киевом, между исходом XIV века и домонгольскими временами, между Северо-Восточной Русью и ветхозаветным делением земли на «уделы» сынов Ноевых. Из повествования видно: заканчивается эпоха, когда книжные люди Руси не могли оторвать взгляда от земли, от непосредственного окружения, от своего клочка лесистой равнины и воспарить мыслью высоко над странами и народами. И увидеть себя, свой город, свою державу в общем узоре ойкумены.

При Иване Великом Русь вновь начинает всерьез претендовать на одну из ведущих ролей во всемирно-христианской мистерии. Эта способность набирает силу и концентрируется в Москве. А та, прежняя лесная золушка, впервые получает шанс создать собствен-

ный миф — устойчивый образ, через призму коего ближние и дальние соседи будут воспринимать великий Семихолмный город.

Когда Москве выпала честь быть столицей объединенной Руси, ее государи стали смотреть и на главный город своей державы, и на самих себя совершенно иначе. Иван III величал себя «государем всея Руси», чего прежде не водилось на раздробленных русских землях. Были введены в дворцовый обиход пышные византийские ритуалы: с Софией Палеолог в Московское государство приехали знатные люди, не забывшие закатное ромейское великопение и рассказавшие о нем подданным великого князя. Тот завел себе печать с коронованным двуглавым орлом и всадником, поражающим змея.

Тогда же появилось «Сказание о князьях Владимирских» — похвала и оправдание единовластному правлению великих князей московских. «Сказание» вошло в русские летописи и обрело в государстве большую популярность. В нем историю Московского княжеского дома связали с римским императором Августом: его легендарный родственник, Прус, был послан править северными землями Империи — на берега Вислы. Потомок Пруса, Рюрик, получил «мандат» от новгородцев на княжение, а дальше уже пошел правящий род князей земли Русской. Отсюда следует, что московские Рюриковичи являются отдаленными потомками римских императоров, и власть

Владимир Мономах

Самая черная эра в судьбе Руси — от Батыевой рати до поля Куликова — была не только годами разорения, унижения, распада, но еще и веком великой немоты. Дар возвышать мысль над обыденностью отнялся, как живое слово отбирается у насмерть испуганного человека.

Иван III

Когда Москве выпала честь быть столицей объединенной Руси, ее государи стали смотреть и на главный город своей державы, и на самих себя совершенно иначе. Иван III величал себя «государем всея Руси», чего прежде не водилось на раздробленных русских землях.

их освящена древней традицией престолонаследия.

Родство от Августа — идеологически мощная конструкция. Пусть и дерзко, вызывающе сказочная. Более того, даже хорошо, что она именно такова. Дерзость приличествует государственной силе.

В «Сказании» говорится: византийский император Константин IX Мономах даровал великому князю киевскому Владимиру (тоже Мономаху) царские регалии: диадему, венец, золотую цепь, сердоликовую шкатулку (чашу?) самого императора Августа, «крест Животворящего Древа» и «порамницу царскую» (бармы).

Вывод последовал однозначный: это дарование — не от человека. Божиим промыслом претворяется и переводится слава Греческого царства на Российского царя. И отныне боговенчаный царь... в Российском царствии.

В годы, когда Киевская Русь пребывала под рукой вышеназванного князя, Византией правил Алексей I Комнин, а Константин Мономах скончался еще в середине XI века. Поэтому вся легенда о византийском даре ныне ставится под сомнение. Но оправданно ли?

Отзвук каких-то реальных событий, связанных с внешней политикой великого князя киевского Владимира Всеволодовича, мог в источниках сохраниться и получить своеобразную трактовку в эпоху Московского царства.

У Владимира Мономаха, происходящего по материнской линии от византийского императора Константина IX, наверняка были возможности унаследовать от матери какие-то предметы, ранее принадлежавшие правителю ромеев.

Князю вряд ли что-то мешало получить от Алексея I высокий титул или же драгоценные вещи — в том числе и венец — из императорской казны. А может, и церковные реликвии. Чрезвычайно оживленные, хоть и не всегда мирные связи между Киевской Русью и Византией в

эпоху Владимира Мономаха — неоспоримый факт. Дары подобного рода Византия рассылала щедро, не исключая и венцы. Причем некоторые из них дошли до наших дней.

Отчего же было не отправить их на Русь? В подобном деянии византийской дипломатии нет ничего нелогичного.

Сейчас, конечно, невозможно с точностью определить, какие именно регалии получил Владимир Мономах от византийских правителей, да и было ли это на самом деле. Но так ли уж сие существенно?

Важнее другое: московский историк XVI века искусно строил и перебрасывал «мостик царственности» из XII столетия в свое время. Некогда правитель Руси уже имел царское звание? Превосходно! Следовательно, ее государям спустя века и можно, и нужно было восстановить царский титул.

Так и произошло в 1547 году. Идея царства, царской власти, медленно, но верно пускала корни в русской почве. Москва начала примерять венец царственного города задолго до того, как сделалась «Порфиноносной» в действительности.

Причем великокняжеские игры с генеалогией намного уступали по смелости, масштабности и глубине тому, что высказали церковные интеллектуалы. Ученые монахи-иосифляне первыми начали понимать: Московская Русь — более не задворки православного мира. Отныне ей и воспринимать себя следует иначе.

О ключевом для христианской истории падении Константинополя москвичам напомнили, пусть и не сразу, таинственные предсказания, издавна приписываемые двум великим людям — Мефодию, епископу Патарскому, а также византийскому императору Льву VI Премудрому, философу и законодателю. Первый погиб мученической смертью в IV веке, второй правил в конце IX — начале X сто-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**Московский Кремль.
Колокольня Ивана Великого и звонница**

летия. Летописи вкладывали им в уста мрачные пророчества. Суть их в следующем: христианство, «благочестивый Израиль», незадолго до прихода антихриста потерпит поражение в борьбе с родом Измаиловым. Племена измаильтян возобладают и захватят землю христиан. Тогда воцарится беззаконие. Однако потом явится благочестивый царь, который победит измаильтян, и вера Христова вновь воссияет. С особым вниманием наши книжники вглядывались в слова, где будущее торжество приписывалось не кому иному, как «роду русему».

После 1453 года московские церковные интеллектуалы постепенно приходят к выводу: Константинополь пал — свершилась часть древних пророчеств; но и вторая часть исполнится: «Русский род с союзниками (причастниками)... победит, и седьмохолмный [град]... воцарится». А значит, когда-нибудь Москва придет со своими православными полками на турок, разобьет их, освободит от «измаильтян» Константинополь.

Идеи мудрых книжников, живших при Иване Великом и его сыне Василии, напоминают зеркала. Молодая Москва, еще не осозна-

вая вполне своей красоты и своего величия, капризно смотрелась то в одно, то в другое, и все никак не могла решить, где она выглядит лучше.

Самое знаменитое «зеркало», в которое смотрелась она тогда, родилось из нескольких строк.

В 1492 году пересчитывалась Пасхалия на новую, восьмую тысячу лет православного летоисчисления от Сотворения мира. Разъясняющий комментарий митрополита Зосимы сопровождал это важное дело. Там об Иване III говорилось как о новом царе Константине, правящем в новом Константинове граде — Москве. Вот первая искра.

Большое же пламя вспыхнуло в переписке старца псковского

**Филофей видел
Москву как центр
мирового христианства,
единственное место,
где оно сохранилось
в чистом, незамутненном
виде**

Елеазарова монастыря Филофея с государем Василием III и дьяком Мисюрем Мунехиным. Филофеем была высказана концепция Москвы как Третьего Рима. Русский ум воспринял ее с ленцой. И лишь по истечении продолжительного времени его растревожил смысл новой идеи. Надо помнить и понимать: она отнюдь не имела господства над мыслями тогдашнего «образованного класса» и очень долго обреталась на периферии.

Филофей видел Москву как центр мирового христианства, единственное место, где оно сохранилось в чистом, незамутненном виде. Два прежних центра — Рим и Константинополь (Второй Рим) пали из-за вероотступниче-

ства. Филофей писал: «...Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя по пророческим книгам, то есть Ромейское царство, поскольку два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть». Иначе говоря, Ромейское царство — неразруσιμο, оно просто переместилось на восток и отныне Россия — новая Римская империя. Василия III Филофей именует царем христиан всей поднебесной.

В этом новом качестве России предстоит возвыситься тогда, когда ее государи «урядят» страну, установив правление справедливое, милосердное, основанное на христианских заповедях.

Но более всего Филофей беспокоился не о правах московских правителей на политическое первенство в христианском мире, а о сохранении веры в неиспорченном виде, о сбережении последнего средоточия истинного христианства. Его «неразрушимое Ромейское царство» — скорее, духовная сущность, нежели государство в привычном значении слова. Миссия московского государя в этом контексте — в первую очередь роль хранителя веры.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**Грановитая палата,
памятник архитектуры XV века. Кремль**

Прощай, Галиция

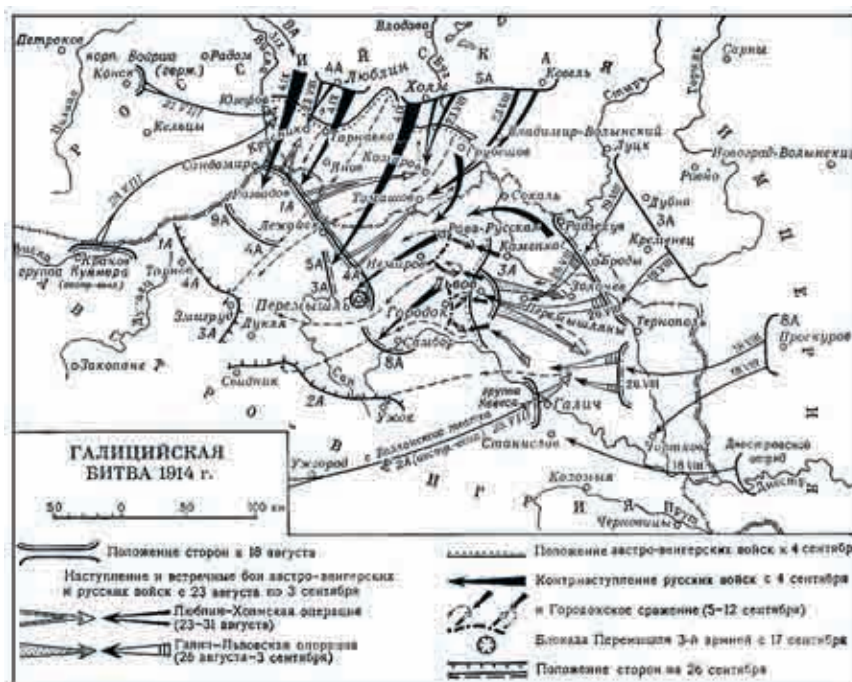
Валерий Шамбаров

Рассуждая об итогах Первой мировой войны, историки чаще всего говорят о гибели трех крупнейших империй, революциях, Версальском договоре и иных факторах кардинальной перекройки карты мира. При этом остаются за кадром «второстепенные» последствия тех событий — явления, которые уже в наши дни удручают и даже ужасают.

Сто лет назад во время Галицийской битвы российские войска наголову разбили превосходящую по численности австро-венгерскую группировку. Но смогла ли наша страна извлечь пользу из этой блестящей победы?

В 1914 году приобрел особую популярность марш В.И. Агапкина «Прощание славянки», созданный двумя годами ранее. Его повсюду играли военные оркестры, хотя текста еще не было. Слова же сочиняли неведомые «народные» авторы. Самый ранний вариант, дошедший до нас, звучал так:

*По неровным дорогам Галиции,
Поднимая июльскую пыль,
Эскадроны идут вереницею,
Приминая дорожный ковыль.
Прощай, Россия-мать!
Уходим завтра в бой.
Идем мы защищать
Твои границы и покой...*

Стихи явно родились на Юго-Западном фронте, где требовалось сокрушить главные силы Австро-Венгрии. Фронт насчитывал 650 000 штыков и сабель, командовал им Н.И. Иванов, а начальником штаба был лучший стратег императорской армии М.В. Алексеев. Вражеская территория дугой вдавалась в нашу, и предусматривались «клещи». С востока, с Украины, на Львов нацеливались 8-я и 3-я армии. С севера, из Польши, — 4-я и 5-я.

Но и австрийский главнокомандующий Конрад намеревался наступать, разбить русских до того, как они отомобилизуются. Потом, мол, высвободится армия, громившая Сербию, а союзная Германия раздавит Францию. И развернется наступление в глубь России. В Галиции у Конрада находились 750 000 солдат, должны были подойти еще 250 000. Основную часть этих контингентов военачальник сосредоточил на северном фланге, в Польше. Уже двинул соединения через границу, захватил Каменец-Подольск. Но со сроками серьезно ошибся. Рассчитывал, что русские изготовятся к началу сентября. А на самом деле мобилизация шла быстрее.

18 августа 1914 года 8-я армия А.А. Брусилова форсировала пограничную реку Збруч. На следующий день выступила 3-я армия Н.В. Рузского. 4-я и 5-я армии в Польше не успевали сосредоточиться, но было решено не ждать их — подключатся позже. Для Конрада это вторжение оказалось неожиданным. Он спешно собрал несколько кавалерийских и пехотных дивизий, бросил их, чтобы задержать наши армии. Но эти заслоны русские смели с ходу. Были взяты Тернополь, Броды, Stanislaw. Однако на северном участке дело пошло хуже. Здесь у врага было двойное превосходство, и он подготовил ловушку. Когда 4-я русская армия А.Е. Зальца пошла вперед, перед ней отступали слабые отряды — заманивали. Основная же группировка противника затаилась в лесах. Едва 4-я армия подставила ей правый фланг, последовал мощный удар. Под Красником Зальца разбили, его войска покатались назад. Соседняя 5-я армия под командованием П.А. Плеве повернула на выручку, но и ее поджидали. Навалились, стали окружать. Плеве был блестящим военачальником. Он мгновенно определил слабое

место вражеских боевых порядков и бросил туда две казачьи дивизии. Лавина нанизала на пики и втоптала в землю австрийцев, прошибла кольцо. Армия вырвалась. Возле Люблина и Холма противника остановили. Зальца за грубые ошибки был снят и заменен генералом А.Е. Эвертом.

Между тем войска Брусилова и Рузского уже приближались к Львову. Чтобы защитить город, неприятель экстренно оборудовал позиции по рекам Гнилая Липа и Буг. 29 августа здесь закипело жестокое сражение. Местность была крайне неудобной для наступления — кругом болота, речушки. Мосты и гати простреливались. Враги не только отбивались, но и сами остервенело контратаковали. Тогда Брусилов наметил прорыв обороны на узком участке. Передал всю тяжелую артиллерию в правифланговый 7-й корпус. Тому досталось несладко. Солдаты буквально прогрызали австрийские позиции. Лишь через два дня упорнейших боев сумели перейти Гнилую Липу. Тут-то противник и дрогнул, начал пятиться. А Брусилов, угадав момент, приказал остальным соединениям «наподдавать». Его корпуса с новой силой навалились на врагов, и те не выдержали. Оборона рухнула.

Неприятельское командование переполошилось, посчитав, что русские перехватят железную дорогу, отрежут пути отхода. Полетела команда оставить Львов...

3 сентября Брусилов со штабными офицерами ехал к Рузскому на совещание. Одна из машин с офицерами Д.Ф. Гейденом и Р.Н. Яхонтовым отстала. Они увидели, что от Львова идут крестьяне, поинтересовались: «А что, много там войска?» Им ответили: «Нема никого, все утекли». Гейден и Яхонтов повернули во Львов. Противника там и впрямь не было. Офицеры не отказали себе в удовольствии позавтракать в лучшей гостинице Жоржа, купили львовских конфет

и поехали обратно — докладывать. В город вступили наши полки.

Но австрийцы ушли недалеко. Остановились в 30 км, у Гродека. Конрад собирал силы, чтобы отбить Львов, перебрасывал целую армию из Сербии и еще одну — из-под Люблина.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич сделал свою переброску сил: 9-ю армию П.А. Лечицкого на Юго-Западный фронт. Строился замысел взять в клещи всю неприятельскую группировку, ранее отразившую наше наступление в Поль-

ше: 9-я, 4-я и 5-я армии навалятся с одной стороны, а 3-я повернет от Львова во вражеские тылы. Ну а для прикрытия города оставалась только 8-я армия. Сочли, что этот участок будет спокойным.

4 сентября армии Лечицкого и Эверта нанесли удар. Но австрийцы успели оборудовать перед ними мощную оборону — траншеи, доты, заграждения колючей проволокой. Встретили лавиной огня, русские атаки захлебывались. Штурм повторяли несколько дней. Там, где намечался успех, было решено атаковать непрерывно, даже но-

чью — иначе, пока русские брали одну линию, австрийцы позади нее строили следующие.

Большие надежды возлагались на обход со стороны 3-й армии Рузского. Австрийцы подтянули к Львову дополнительно армию Ауф-фенберга! Под Равой-Русской они столкнулись лоб в лоб, здесь тоже завязались бои.

Брусилов вдруг обнаружил, что против него стягиваются огромные силы — 21 дивизия против 9. Забил тревогу, собирал подкрепления. Но понимал — не успеет. А в пассивной обороне не удержится. Враг навалится и сомнет, не в одном месте, так в другом. Решил атаковать сам — если не победить, то хотя бы спутать планы неприятеля. 10 сентября 8-й корпус Р.Д. Радко-Дмитриева после артподготовки устремился вперед. Но и австрийцы планировали наступать 10 сентября. Части схлестнулись во встречном сражении. Отчасти задумка Брусилова исполнилась, врагов сбили с толку.

Но потом оказалось численное превосходство. Австрийцы лезли напролом по всему фронту. На второй день они стали одолевать на левом фланге. Начальник 48-й дивизии А.Г. Корнилов лично вел в штыки последний боеспособный батальон. А у Брусилова в резерве осталась только 12-я кавалерийская дивизия А.М. Каледина. Командующий отдал ей красноречивый приказ: «12-й кавалерийской дивизии — умереть. Но умирать не сразу, а до вечера». Что ж, Каледин понял: погибнуть, но задержать врага. Да попробуй удержи! Жиденькие цепи кавалеристов не могли остановить многочисленную пехоту, их опрокидывали. Тогда Каледин решился на отчаянный шаг — среди бела дня, невзирая на шквальный огонь, бросил свои эскадроны в конном строю. Солдаты противника не выдержали вида несущихся на них всадников, побежали...

12 сентября Брусилов распорядился... снова наступать. Про-

тивник никак не ожидал атаки русских. Растерялся, стал окапываться. Таким способом выиграли еще один день. Последний день неравной драки...

Австрийцев уже припекло на северном фланге. Перелом обеспечила 5-я армия Плеве. Главная задача досталась не ему, атаковали соседи. И Плеве поначалу не беспокоил неприятеля, выжидал. А когда враги привыкли, что 5-я армия «сидит тихо», внезапно кинул солдат на штурм и прорвал фронт. После чего осуществил блестящий маневр, пустил два корпуса по расходящимся направлениям. Один — на север, в тыл группировки, которая отбивалась от армий Лечицкого и Эверта. Другой — на юг, в тыл австрийцам, сражавшимся с армией Рузского. Обе группировки испугались окружения, начали отходить.

Возникла угроза и для двух армий, налегавших на Брусилова. Под покровом ночи они тоже снялись с места, покатались прочь. За ними погнались, и отступление превратилось в бегство. Австрийцы бросали орудия, повозки, сдавались. Конрад намечал восстановить фронт по Висле и Сану, но не получилось. Наши войска на плечах врага форсировали эти реки, взяли Сандомир. Но они крайне устали, измучились, израсходовали боеприпасы. 21 сентября штаб фронта распорядился прекратить преследование. Победа была впечатляющей. Австро-Венгрию разгромили вдребезги, продвинулись на 200–300 км, враг потерял около 300 000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 100 000 пленными, 400 орудий. Потери России составили около 30 000 убитыми и 200 000 ранеными.

Кстати, население Западной Украины встречало русских как освободителей, с искренней радостью. Из тюрем были выпущены тысячи местных жителей, арестованных с началом войны за «русофильство». Впрочем, и само население Львовщины и Тернопольщины значительно отличалось от ны-

нешнего. В те времена оно вообще называло себя не украинцами, а русинами. Наши офицеры с удивлением отмечали, что здешний язык был гораздо ближе к великорусскому, чем на Восточной Украине (что неудивительно — в Поднепровье славяне смешивались с тюркскими народами, а в Прикарпатье сохранялось наречие Киевской Руси).

В апреле 1915-го Галицию посетил Николай II. Во Львове его приветствовали толпы ликовавших жителей. Государь выступил с балкона перед горожанами, заповолившими площадь. Ни единой враждебной выходки не было. Никому и в голову бы не пришло, скажем, достать револьвер или бомбу. Царь говорил об исторических русских корнях Галиции, а завершил словами: «Да будет единая, неделимая могучая Русь!» Горожане ответили общим «ура», дамы засыпали цветами всю площадь под балконом.

Однако о некоторых фактах мировая историческая наука предпочитает «забыть». Летом 1915 года русским пришлось отступить. В Галицию вернулись австрийцы и стали расправляться с «изменниками». При этом развернулся чудовищный эксперимент по переделке целого народа. Православных

священников «за сотрудничество с врагом» перевешали. Ну а как же — ведь русские заходили в храмы, молились, заказывали требы. А львовян, радостно встречавших царя, и всю интеллигенцию, признанную «русофильской», — учителей, журналистов, студентов, отправляли в концлагерь Талергоф. О нем дошло до нас мало сведений по одной простой причине — оттуда не возвращались. Газовых камер еще не строили, но были голод, болезни, расстрелы...

Малочисленная галицийская интеллигенция сгинула там. Православных священников заменили униаты, прежних учителей — «мазепинцы», подготовленные в Вене и Берлине. Они начали преподавать иную историю, искусственно созданный язык — смесь украинского и польского. Результаты были сродни геноциду. Большинство жителей Галиции остались живы, но народ изменился. Православные русины, говорившие на наречии, близком к русскому, сохранились лишь в горных районах Карпат и в Словакии. Прочее население за пару десятилетий превратилось в «западнцев». Ревностных униатов, говорящих на совершенно другом языке и ненавидящих «москалей»...

Государь Император принимает приветствие генерал-губернатора Галиции графа Бобринского при въезде в г. Львов.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Академик И.П. Павлов
оперирует собаку. 1903 год

Доброе сияние разума

Ксения Воротынцева, Рязань

14 (26) сентября 1849 года родился великий ученый Иван Петрович Павлов. Первый русский нобелевский лауреат. Автор понятий, связанных с условными и безусловными рефлексами. Фанатичный исследователь, относившийся (вопреки ложному стереотипу) к подопытным животным предельно гуманно: применял наркоз, работал в стерильных условиях. Человек прямолинейный, жесткий и в то же время добрый, отзывчивый. Мог выгнать сотрудника прямо из операционной — и тем же вечером прислать записку: «Брань делу не помеха, приходите завтра ставить опыт». Несмотря на всемирное признание, Павлов на Родине явно недооценен: наши поверхностные знания о нем обычно не выходят за рамки школьной программы. А ведь этот достойный сын Отечества был не просто выдающимся физиологом, но ярким, невероятно сложным феноменом.

Милая сторона

Тихая рязанская улочка, застроенная деревянными усадьбами XIX века. Недалеко возвышаются корпуса Приборного завода, шумит оживленный проспект. А здесь — резное кружево, потрескавшийся асфальт и милые старомодные фонари. Живописных мест в бывшей столице древнего княжества сохранилось немало. Но это особенное: в одном из домиков, с мезонином и охристыми наличниками, провел детство и юность знаменитый русский физиолог.

Теперь тут Мемориальный музей-усадьба академика И.П. Павлова, открывшийся в 1946 году, к десятилетию со дня смерти ученого. Стараниями нынешнего директора Натальи Загриной бывшие павловские владения превратились в чудный оазис. Душистые клумбы, скамейки вдоль дорожек, яблоневый сад. На траве — августовский ковер из ароматных анисовок. Отец ученого, Петр Дмитриевич, собравший внушительную библиотеку, научился прививкам по книгам и вывел особые сорта яблок и груш. У рязанцев они пользовались большим успехом: многие местные сады — «родственники» того, павловского.

Родители Ивана Петровича принадлежали к духовному сословию. Семья была большой: десять детей, пятеро из которых умерли во младенчестве. Мать Варвара Ивановна (урожденная Успенская) грамоты не знала: ее отец, священник, обладавший крутым нравом, считал, что женщине лучше выучиться рукоделию. Она действительно прекрасно вязала и шила: комоды в мемориальном доме украшены белоснежными салфетками, кровати — узорными покрывалами... Свою жизнь целиком посвятила семье.

Иван Павлов вспоминал: «Она чудесный человек, настоящая мать, для которой дети — все». Отец ученого первым в роду стал свя-

щенником: предки его относились к беднейшим церковным чинам — дьячкам и пономарям. Окончил семинарию, служил в приходе церкви Николы Долгошей, в течение 12 лет непрерывно избирался благочинным. Получил орден Владимира 4-й степени, что давало право на звание потомственного дворянина. Был человеком строгим и авторитетным. «Он боялся, что дети могут вырасти лодырями, — рассказывает Наталья Загриная. — Если ребята перед обедом проявили усердие, вставал и говорил: «Щи и хлеб не зря съедены, а заработаны честным трудом. Поэтому радость испытывайте великую».

Иван Петрович потом с благодарностью вспоминал: «Всегдашнее спасибо отцу с матерью, приучившим меня к простой, очень невзыскательной жизни». Великий ученый до конца дней оставался аскетом — даже когда его открытия получили всемирное признание. Любимым деликатесам предпочитал винегрет и манную кашу...

Его университеты

Когда Ваня был еще мал, произошел несчастный случай. Раскладывая на помосте яблоки для просуш-

ки, ребенок упал и сильно ушибся. Стал бледнеть, чахнуть. Лекарства, изготовленные матерью из трав, не помогали. И тогда его крестный, игумен Троицкого монастыря, забрал Ивана к себе. Водил на прогулки, поил куриным бульоном. Приучал к чтению. Заметил, что мальчик-левша, играя в городки, хорошо бросает правой рукой — стал развивать и ее.

Во многом благодаря этому Павлов впоследствии стал уникальным хирургом, с легкостью оперировавшим обеими руками. Через год окрепший Иван вернулся в Рязань и поступил в духовное училище, а затем — в семинарию. Окончил пять общеобразовательных классов, однако во время учебы увлекся статьями Писарева, пробудившими в нем интерес к естествознанию. Еще больше повлияла на юношу монография Сеченова «Рефлексы головного мозга»: Павлов до конца дней называл Ивана Михайловича своим учителем. Воспользовавшись известием о том, что семинаристам, не окончившим шестого богословского класса, позволялось учиться в университете, Ваня уехал в Санкт-Петербург. Набожный отец не сразу принял выбор сына, на которого возлагал серьезные на-

НИИ экспериментальной медицины. Санкт-Петербург

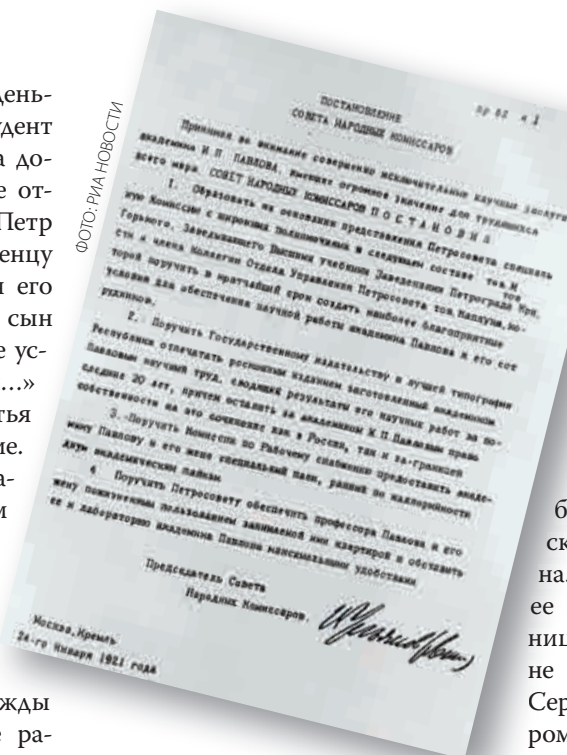
дежды. Отказался помогать деньгами, и скудные средства студент Императорского университета добывал репетиторством. Позже отцовское сердце смягчилось, и Петр Дмитриевич отправлял первенцу письма на латыни, признавая его заслуги: «Возлюбленнейший сын мой, как не возрадоваться мне успехам твоим на пути познания...»

Не только Иван, но и его братья получили хорошее образование. Этому, вероятно, способствовала мать, осуществившая таким образом свою несбывшуюся мечту. Дмитрий стал адъюнкт-профессором химии, ассистентом Менделеева. Петр, считавшийся самым талантливым, подавал надежды как зоолог: его студенческие работы приводили в восхищение именитых профессоров. Однако произошло несчастье: «Дмитрий и Петр, уже студенты, отправились зимой на охоту, взяв Сергея, — рассказывает Наталья Александровна. — Возвращались поздно и не заметили, как свалились с розвальней в глубокую яму. Старшие быстро выбрались, а младший не смог. И тогда Петр протянул ему ружье — прикладом, сам держась за ствол. Видимо, выбираясь, Сергей нечаянно нажал на спусковой крючок. Петр был ранен в бок и через два дня скончался в страшных мучениях. Профессора писали: закатилось солнце зоологии».

Семья была безутешна. Сергей, единственный из братьев, стал священником и всю жизнь отмаливал нечаянный грех.

«Потеряно сердце...»

Став студентом естественного отделения физико-математического факультета, Иван все силы отдавал науке. Непрактичного и не приспособленного к жизни старшего брата взялся опекать Дмитрий, тоже вскоре поступивший в Санкт-Петербургский университет. Готовил еду, покупал одежду. «Однажды

Постановление Совета Народных Комиссаров от 24 января 1921 года за подписью В.И. Ленина (Ульянова) об обеспечении нормальных условий для работы академика И.П. Павлова

Иван Петрович собрался на стажировку в Германию, — рассказывает Наталья Загриная. — Младший брат отсутствовал, и он сам приобрел костюм — ярко-желтого цвета. Немецкие коллеги, увидев его, рассмеялись. И через несколько лет, когда он вновь приехал, шутили: опять к нам прилетела русская канарейка!»

Беспомощный в быту, Павлов вряд ли бы покорил научные высоты, если бы не жена, ставшая опорой во всем. Серафима Васильевна Карчевская родилась в Керчи, выросла в Ростове-на-Дону. Семнадцатилетней девушкой приехала в Петербург. «Ивану сначала показалось, что из богатой семьи, — говорит Наталья Загриная. — Он боялся: как отнесется к ним, разночинцам?» Однако друг ему шепнул: «Провинциалка. Пахнет голодом. И никому не известная».

Серафима была эмансипированной, острой на язычок. Приняла предложение Ивана Петровича лишь с условием, что год проработа-

ет сельской учительницей.

В разлуке Павлов издавал газету «Попался» — самодельную, в письмах. Ис объявлениями: «Потеряно сердце. Нашедший может получить половину». Став женой, Серафима, как и мать Павлова, целиком посвятила себя семье, стойко перенося трудности безденежной допрофессорской жизни.

— У Серафимы Васильевны был литературный дар, — рассказывает Наталья Александровна. — В музее хранится экземпляр ее воспоминаний. Однажды ученица Павлова спросила: «Почему не развиваешь свой талант?» А Серафима ответила: «Ни один мой роман не будет стоить опыта Ивана Петровича».

Труды и дни

Слава о молодом исследователе быстро облетела научные круги. В 1878 году Боткин пригласил Павлова в свою клинику — работать в физиологической лаборатории, которую Иван Петрович возглавил уже в 1886-м. Докторская диссертация, защищенная в 1883-м, была посвящена центробежным нервам сердца. В те же годы он заложил фундамент открытий в области физиологии пищеварения. Однако признания на Родине (несмотря на высокую оценку многих ученых) так и не получил. Лишь в 1890-м он был избран профессором фармакологии Военно-медицинской академии, через пять лет перешел на кафедру физиологии. А в 1891-м принц Ольденбургский, меценат Института экспериментальной медицины, пригласил Павлова организовать отдел физиологии. Именно там ученый вплотную занялся изучением пищеварительных желез (за что первым из соотечественников получил Нобелевскую премию), а также исследованием условного рефлекса.

Важность открытий Павлова переоценить невозможно: он объяснил не известные до тех пор особенности процесса пищеварения. Много лет потратил на то, чтобы создать фистулу — искусственное отверстие в теле животного. Впервые в мире получил чистый желудочный сок, который в те годы применялся для лечения людей с пониженной секрецией желудка. Вопреки обывательским представлениям старался причинять собакам как можно меньше страданий. Вмешательство в работу организма оправдывал лишь одной целью — поиском истины: «Лишь бы не было ненужного и бесполезного мучительства». В день кастрации одной из собак, например, записал: «Мампус, прости, прошу прощенья. Иван Павлов». Многие питомцы, уже не участвовавшие в экспериментах, годами жили на своеобразной «пенсии», получая паек.

Не менее ценны открытия условного и безусловного рефлексов, позволившие изучать высшую нервную деятельность. Это породило новую волну обсуждений: что в нас заложено изначально, а что — получено в процессе социализации. В 1907-м Павлов наконец-то был избран академиком. К концу жизни список его регалий включал почетное членство в 132 академиях и научных сообществах. Среди них — и Кембридж: во время присуждения Павлову титула почетного доктора английские студенты спустили с балкона плюшевую собачку, живот которой был утыкан стеклянными трубками, изображавшими фистулы. Иван Петрович был тронут. За 30 лет до того подобной чести удостоился Дарвин, которому студенты в знак уважения тем же способом презентовали обезьянку.

«Широк человек...»

Всемирный успех ничуть не изменил русского ученого. Он по-прежнему считал скромность высшей добродетелью и заявлял: «Ничего

Памятник собаке Павлова.
Скульптор И. Беспалов

гениального, что мне приписывают, во мне нет...» Достижение целей, считал Павлов, во многом зависит от трудолюбия. «Помните, — завещал он в «Письме к молодежи», — наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то их не хватило бы вам».

Иван Петрович был искренним патриотом: «Только пустые люди не

испытывают прекрасного и возвышающего чувства Родины». Слова о любви к Отчизне не расходились с делами: во время Первой мировой Павлов отправил на фронт двух сыновей...

К падению царской России Иван Петрович отнесся неоднозначно, заявив, что главное для ученого в текущей ситуации — «оставаться на своем посту». Иначе — «хаос, анархия, голод и моровая язва». «Я не большевик, — заявлял Павлов, — и не разделяю их программы... Но если уж 200 млн человеческих жизней втянуто в эту опасную игру, то разум требует одного — надо им помогать, надо искоренять межживотные отношения, которые выпирают наружу». Долг ученого оказался для него выше личных симпатий-антипатий.

В новой действительности Павлову пришлось нелегко. Семья голодала: в Колтушах, где находилась биостанция Института экспериментальной медицины, приходилось выращивать капусту и картошку. Подопытные животные умирали от истощения, доставать собак для экспериментов становилось все труднее. Тем не менее в тяжелом 1920-м он отказался от спецпайка, предложенного Лени-

В кругу семьи

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ным. И, решив, что нормальная научная деятельность невозможна, попросил выпустить его за границу. После этого Ивану Петровичу были созданы хорошие условия для исследований. Как писал Павлов одному из учеников: «Моя работа разворачивается в широких масштабах».

Но даже и теперь великий физиолог ничуть не изменился: оставался правдолюбом, не боявшимся чертыхаться в посланиях правительству: «Революция застала меня в 70 лет. А в меня засело как-то твердое убеждение, что срок дельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: «Черт с ними! Пусть расстреляют. Все равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня человеческое достоинство».

Не раз заступался и за угнетенное духовное сословие, открыто крестился на купола церквей. Хотя отношение Павлова к религии — вопрос довольно запутанный. В письме председателю Совнаркома Молотову, выступая в защиту церкви, ученый вспомнил об одном друге, как-то спросившем о существовании Бога. Павлов привел «самый сильный взгляд против». Через несколько дней приятеля нашли повешенным в квартире. Это стало для Ивана Петровича большим ударом: «С того времени я никогда не позволяю себе разрушать веру в ком-либо».

Его жена Серафима, напротив, была набожной, пережив, правда, период безверия. К возвращению в лоно церкви ее, вероятно, подтолкнуло семейное горе: первая беременность окончилась выкидышем, следом погиб и долгожданный первенец. Иван Петрович искренне радовался вновь пробудившемуся в ней религиозному чувству: «Давно, давно пора тебе вернуться на твою спокойную и твердо определенную дорогу». По воспоминаниям супруги, он говорил: «Я ничему не завидую, но завидую тебе, твоей вере». В

одном из писем Павлов выразился еще яснее: «В моем неверии я вижу не мое преимущество, а урок в сравнении с верующими. Я глубоко убежден, что религиозное чувство и настроение — есть жизненная необходимость человеческого существования». Ученый считал, что

ФОТО: РИА НОВОСТИ

После игры в городки

вера помогает человеку в трудные, кризисные моменты, и ее ни в коем случае нельзя искоренять. Он пророчески заявлял: «Я знаю русскую душу. Какою жизненной трагедией специально на ней отзовется настоящая пропаганда атеизма, и сколько проклятий впоследствии вырвется из этой души на головы теперешних разрушителей религиозности». Его внучатый племянник Александр Павлов утверждал, что это был «безбожник особого рода», в душе коего — от детских соприкосновений с религией — остался «какой-то «влажный след», который «еще не высох и не замерз»...

Проигранное пари

Иван Петрович считается одним из первых пропагандистов здорового образа жизни. Он настаивал, что следует питаться в один и тот же час. Уверял: невоздержанность в еде вредна — как, впрочем, и чрез-

мерное пренебрежение. А также говорил: «Не пейте вина, не огорчайте сердце табачищем — и проживете столько, сколько жил Тициан». Ученый отличался богатырским здоровьем и, по собственному признанию, любил физическую работу даже больше, нежели умственную. Играл в крокет, но с особенной охотой — в городки. В мемориальном доме в Рязани хранятся его любимые фигуры: «Куча», «Звезда», «Баба в окошке», «Колодец». «Старался подорвать силы противника любым способом, а если промазывал, говорил: «Богдельня у вас, сударь». 80-летие встретил с битой в руке, — рассказывает Наталья Загрина. — В Америке познакомился со скульптором Коненковым. Они заключили шуточный договор: отпраздновать вековой юбилей. Сергею Тимофеевичу почти удалось — он умер в 97. А Иван Петрович, заболев в 1935 году, писал одному из профессоров: «Проклятый грипп! Сбивает мою уверенность прожить до ста лет».

Павлову все же удалось пойти на поправку, но здоровье было основательно подорвано. Через год, в 1936-м, когда он возвращался из Колтушей, сломалась машина. Тонкое пальто не спасло от зимнего ветра. 22 февраля Иван Петрович окончательно слег. Сам поставил диагноз: начал забывать слова, появились произвольные движения. Значит, отек коры. Через пять дней умер. Вскрытие показало: великий ученый и на этот раз был абсолютно прав.

Из сегодняшнего далека Павлов, несмотря на его «материалистические» исследования, кажется редким идеалистом. Не только из-за гражданской позиции, нежелания проявлять практичность или идти на какие-то уловки даже ради спасения собственной жизни. Движимый идеей установления истины, он подходил к миру с теми непреложными принципами, которые был всегда готов применить к себе самому.

Битой по рюхе

Городки — вид спорта, которым Россия может по праву гордиться. На протяжении нескольких веков это неотъемлемая часть национальной культуры. В числе знаменитых поклонников городков — не только академик Павлов, но и Александр Суворов, Лев Толстой, Максим Горький, Федор Шаляпин, Сергей Лемешев, а также Владимир Ленин и Иосиф Сталин... В советское время среди дворовых видов спорта городки соперничали с футболом, стук бит раздавался до позднего вечера. Эта популярность нашла отражение даже в главном отечественном мультсериале «Ну, погоди!»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Сегодня народная игра возвращается в наш обиход. О том, как сейчас живут городки и городошники, рассказал нашему корреспонденту **Дмитрию ЕФАНОВУ** префект Южного округа Москвы, президент столичной Федерации городошного спорта (ФГСМ) **Алексей ЧЕЛЫШЕВ**.

СВОЙ: *Вы уже пять лет возглавляете Федерацию. Каких успехов удалось добиться за это время?*

Челышев: Результаты радуют. Достаточно посмотреть, насколько активный интерес проявляют сейчас москвичи к занятиям городошным спортом. Секции посещают и малыши-детсадовцы, и ветераны. То есть городкам все возрасты покорны.

СВОЙ: *В советское время на многих предприятиях были площадки, где сражались в городки. Сегодня возможно возродить подобную традицию?*

Челышев: Большинство предприятий находятся ныне в частных руках... Тем не менее подвижки в этом плане есть. В последние годы производственные коллективы все чаще обращаются с просьбой организовать корпоративные соревнования. Раньше для сплочения сотрудников проводили турниры по пейнтболу

или боулингу. Теперь люди потянулись к родному, исконно русскому виду спорта. Интерес растет, городки больше не считаются архаичными и немодными.

СВОЙ: *Тем более что заниматься городошным спортом могут люди любого достатка...*

Челышев: Верно. Нет надобности в дорогостоящем инвентаре, безупречной физической подготовке или профессиональном судействе. Можно сражаться командами или один на один. Городки — прекрасный вид досуга, способствующий здоровому образу жизни и общению.

СВОЙ: *В качестве вида спорта городки квалифицировали только в 1923 году...*

Челышев: В то время они достигли пика популярности. Спустя 90 лет переживают второе рождение. Улучшилась материальная база. Только в 2012-м в Москве было построено пять площадок. На одной из них, в районе Теплый Стан, побывал мэр города Сергей Собянин. Не удержавшись, сделал несколько бросков и порадовался, что в Москве традиции городошного спорта живы.

СВОЙ: *Ведете работу с детьми?*

Челышев: Площадки появились в десяти столичных школах, включая территорию Новой

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Важно оказывать всемерную поддержку развитию городошного спорта с тем, чтобы обеспечить его доступность и рост популярности среди населения. Благодаря городкам у нас есть возможность ближе познакомиться и сплотиться во время игры: однажды взяв в руки биты, ощутить тот вкус, азарт и кураж, с которым наши деды и прадеды разбивали фигуры на городошных площадках, а еще ранее — чушки на начерченных прямо в поле кругах и квадратах».

*Виталий Мутко,
министр спорта РФ*

Москвы, и в каждой действуют городошные секции. Активно приобщаем малышей. К примеру, в детском саду №722 в Царицыно четвертый год работает секция под руководством тренера Алексея Ремизова, где два раза в неделю проходят занятия. Открыли секции при детсадах в Юго-Западном и Новомосковском округах. В нынешнем году впервые прошли городские соревнования среди ребят дошкольного возраста. К нам приезжают перенимать опыт воспитатели из многих регионов России. Чем раньше начнем прививать детям любовь к городкам, тем больше вероятность, что они на всю жизнь увлекутся этой игрой.

СВОЙ: *Какие проблемы требуют оперативного решения?*

Челышев: При растущем интересе к городошному спорту и увеличении числа занимающихся остро ощущается нехватка квалифицированных тренерских кадров. Речь идет о людях, которые не просто умеют играть в городки, но и способны найти подход к детям, увлечь их. Решение этой проблемы — ближайшая задача. Однако не единственная. Много нужно сделать для того, чтобы городки вошли в нашу жизнь наравне с другими традиционными видами спорта.

«Бабки», «клетки», «поросята»

При игре в городки необходимо с определенных расстояний выбивать прицельным метанием палки (биты) «города» — фигуры, составленные из пяти деревянных цилиндров.

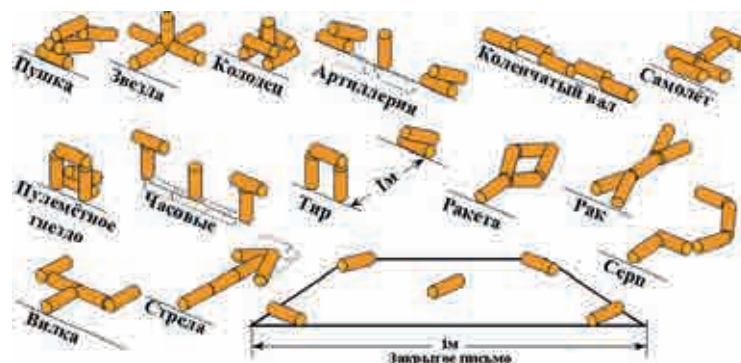
Первые достоверные сведения о распространении городков в России относятся к началу XIX века. Об этом свидетельствуют цветные гравюры в нескольких западноевропейских изданиях, сопровождаемые кратким описанием забавы.

Называли игру по-разному. В средней полосе России, Омской и Тобольской губерниях — «рюхами», «чухами» или «чушками», в Вятской губернии — «деревянными бабками», в Черниговской — «кеглями» или «поросятами», в Кубанской области — «клетками».

Как вид спорта, имеющий единые правила, городки сформировались к 1923 году. Спустя пять лет их включили в программу Всесоюзной спартакиады. С 1936-го начали проводить чемпионаты СССР.

Согласно официальной статистике, в середине прошлого века городошным спортом занимались 350 тысяч человек, но на деле любителей городков, конечно, было гораздо больше.

Сейчас городки снова обретают популярность. При поддержке Москомспорта проводятся многочисленные соревнования, в том числе ежегодный Открытый Кубок Москвы. С 16 по 23 августа в рамках этого турнира в музее-заповеднике «Коломенское» прошел чемпионат мира по городкам с участием спортсменов из нескольких десятков стран.

В. Эттель. «Антон Сорокин с горящей свечой». 1917(?)

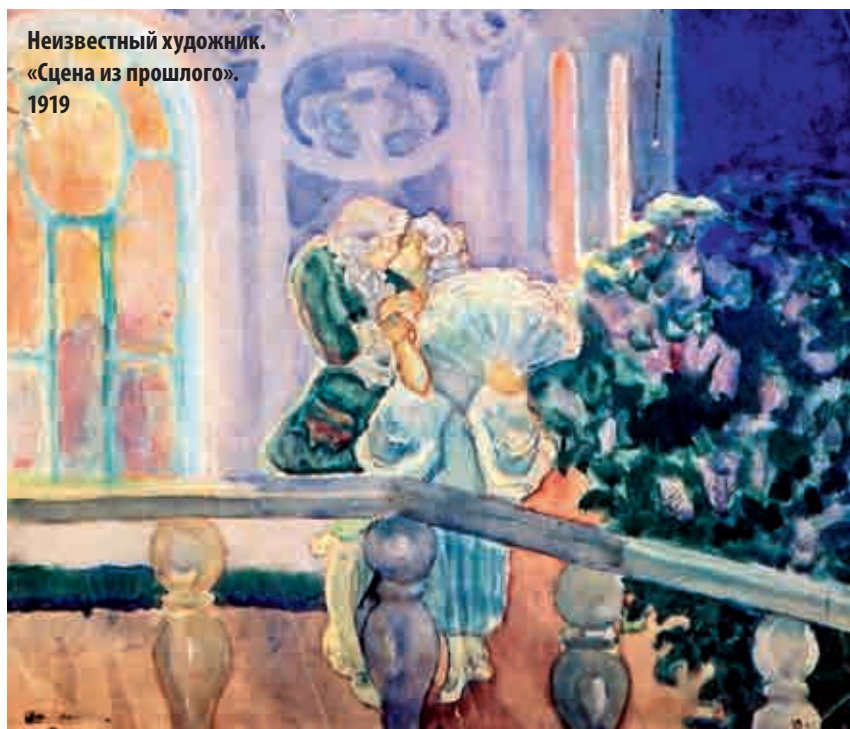

Наследство сибирского короля

Елена Мачульская, Омск

Выставка «Антон Сорокин: из наследия «короля» в омском Музее имени Врубеля занимает всего одну комнату. Экспозиция не впечатлит масштабностью, зато и равнодушным никого не оставит. Рисунки карандашом или чернилами на маленьких листочках пожелтевшей бумаги выглядят как послания из начала XX века, страшного времени Гражданской войны. Будто листья, сорванные ураганом. Точнее — вихрем войны, которым их занесло вдруг в «третью столицу». Чувствуешь, как комната заполняется людьми — яркими, талантливыми, с непростыми судьбами...

ХОЗЯИНА коллекции (его 130-летний юбилей отмечали в нынешнем году) называли «Александром Грином Сибири», писателем «редкой правдивости», «Дон-Кихотом с бумажным забралом»... А сам он именовал себя гением и «королем сибирских писателей». Антон Сорокин полагал, что художник слова «должен быть эксцентричным», и вел себя соответственно. Он любил и умел быть на виду — о его эскападах ходили легенды. Однажды Сорокин выдвинул себя на Нобелевскую премию и разослал письма с экземплярами рукописи и просьбой поддержать его кандидатуру главам многих государств. По воспоминаниям Михаила Никитина, ответ «соискателю» прислал лишь король Сиам. В нем говорилось, что «книга, за отсутствием русского переводчика, не могла быть прочитана». А на обложке одного из своих печатных изданий Сорокин напечатал такое предупреждение:

Неизвестный художник.
«Сцена из прошлого».
1919

«Людей, ограниченных умом, просят не читать».

Внешний эксцентризм и слава полупомешанного долгое время заслоняли в нем большого, интересного писателя. За сравнительно недолгую жизнь он создал около двух тысяч произведений. Антон Сорокин первым показал русскому читателю душу казахского народа, «в таком же духе, как это сделал Джек Лондон с жителями тихоокеанских островов». Язык, культуру и фольклор «кыргызов» родившийся на казахской земле (в семье павлодарских купцов-староверов) писатель знал очень хорошо. А в своей повести «Хохот Желтого дьявола» Сорокин превращает «театр военных действий» в прямо-таки реальное, видимое и осязаемое явление, высвечивая трагедию войны и подчеркивая «ее великий ужас»...

Его краснокирпичный особняк в стиле модерн был во времена «белой столицы» центром культурной жизни Омска. Писатель Всеволод Иванов вспоминал: «Встречи писателей происходили обыкновенно у Антона Сорокина, который умел без изысканной любезности,

без натянутости, а с мягкой проницательностью сближать людей искусства. Войдя к нему в комнату, вам хотелось читать красивые рассказы, слушать стихи, говорить о живописи». На Лермонтовской, 28, собирались не только местные литераторы и художники, но и те, кого вихрем Гражданской войны занесло в степной город, — беженцы из Москвы, Петрограда, Харькова, Риги, Казани...

Свои работы, созданные в Омске, гости дарили радушному хозяину. Порой он покупал их за продуктовый паек. Ведь этот природный футурист, которого вполне можно назвать «омским Хлебниковым», был не только самобытным прозаиком, но и единственным в Омске коллекционером современного искусства. Известный романист Василий Ян писал: «Его дом в Омске — четырнадцать квадратных сажен, включая чулан, является интереснейшим музеем картин, сибирских редкостей, скульптуры и всяких других чем-либо выдающихся произведений разных «тантов» и «самородков» из гущи народной, которых Сорокин отыс-

кивал, поощрял, выдвигал, вдохновлял...»

Имена некоторых своих друзей и знакомых писатель позднее включил в новеллы мемуарного цикла «Тридцать три скандала Колчаку». Среди них — московский журналист и график Алексей Громов (Матвеев), работавший в колчаковской газете «Сибирская речь». Талантливый художник-иллюстратор привез в Омск большую коллекцию своих рисунков. Позднее она оказалась в собрании Сорокина.

Бывал в доме на Лермонтовской улице и Карлис Балтгайлис, один из латышских стрелков, сражавшихся на стороне белых. Отважный конный разведчик и вестовой, а в недавнем прошлом выпускник Пензенского художественного училища, он в минуты покоя переносил свои фронтовые впечатления в альбом. Балтгайлису повезло — вместе с отступающей Белой армией он благополучно добрался до Владивостока и с Имантским полком вернулся в Латвию. Там стал известным художником-авангардистом. Но об этих рисунках, с фотографической точностью запечатлевших военную драму, не знают даже латвийские искусствоведы. На одном из них одинокий всадник едет по дороге, мимо голых деревьев и покосившихся оград, к руинам на горизонте. Впереди — неизвестность.

Весной 1914-го омичи впервые увидели на страницах газеты «Омский вестник» в публикации повести Сорокина «Хохот Желтого дьявола» рисунки киевского художника-графика Владимира Эттеля. С ним Сорокина сначала связывало заочное знакомство. Талантливый иллюстратор и плакатист Эттель использовал в своих символистских композициях приемы мастеров петербургского объединения «Мир искусства». В доме на Лермонтовской Эттель появился в декабре 1920-го, когда его, бывшего боевого белого офицера, после проверок выпустили из Омской губчека.

Именно Владимир Эттель придумал образ свечи, с которой стекают капли воска, образуя подпись «Антон Сорокин». Кстати, мотив этой свечи возник очень прозаично. В 1919 году в Омске не было электричества — точнее, оно было только в Совете министров, в Ставке и дорогих ресторанах. А на заседаниях литературно-художественного кружка горели свечи. Антон Семенович приходил туда со своей свечой — доставал из портфельчика подсвечник, зажигал свечу и говорил: «Готовьтесь, я буду читать вам свою новую повесть». Правда, слушать «Антон Безумного» омские литераторы не хотели — вставляли и уходили. Потом Антон Семенович стал говорить: «Свеча подобна писателю — писатель так же сгорает, но оставляет свое духовное богатство...»

В некоторых работах, представленных на выставке, остро чувствуется тоска по безвозвратно ушедшим спокойным временам, желание отвлечься, хотя бы ненадолго забыться в нарисованном праздничном мире. Абсолютно «сомовская» картина «Поцелуй» выглядит как раз таким осколком светлого прошлого. Ее автором вполне мог быть Евгений Климентьев, сын Алексея Климентьева, преподавателя рисования в кадетском корпусе, прибывшего в Омск в 1914 году из Петербурга. Современники вспоминали, что он очень любил творчество Константина Сомова.

А вот юношеский рисунок будущего певца Лукоморья и капитана воздушных фрегатов, тогда еще мечтавшего о стезе художника Леонида Мартынова. Он изобразил Сорокина расположившим на

стоппе книг артиллерийскую батарею и успешно отстреливающимся от критиков и редакторов, не желавших его печатать.

Сорокин отличался самоиронией и часто просил нарисовать себя в карикатурной манере. Автор двух ярких шаржей — Александр Оленич-Гнененко — поэт, который, кстати, перевел на русский язык «Алису в Стране чудес». В Омске он был заместителем председателя губисполкома, а потому спас от расправы многих поэтов и писателей. Выручил однажды и самого Сорокина... А на портретах

устроивал «заборные выставки». А потом «Наша газета» иронично сообщала в омской хронике: «По городу некий Антон Сорокин, национальный сибирский писатель, расклеил по заборам автопортреты и расписанные чьим-то хвостом рисунки». Его работы символичны и загадочны — грустная жабка в холодных лучах луны, одинокая птица на скале. А вот рисунок, развенчивающий миф, будто Сорокин был противником Белого движения, — крылатая красная смерть с косой....

Уникальная коллекция «короля писательского» сохранилась чудом.

— В 1935 году, уже после смерти Сорокина, его коллекция была передана в Западно-Сибирский краевой музей, — рассказывает куратор выставки Ирина Девятьярова. — Этими папками никто не интересовался, ведь авторами большинства рисунков были белые офицеры. В середине 70-х стро-

ится новое здание краеведческого музея. Чтобы освободить для него место, на территории генерал-губернаторского дворца сносят нарядные постройки... Строители при сносе одного из зданий под половицами находят папки — черные, запыленные, страшные. Открывают, а там картинки. Позвали музейщиков. Тогда уже началось изучение.

Таким же чудом, наверное, в свое время избежал сноса и дом Антона Сорокина. Он единственный уцелел из целого квартала и теперь соседствует с современными зданиями. Там работают художники, продают цветы... Думаю, Антону Семеновичу это бы понравилось. Наверное, он даже был бы восхищен...

А. Сорокин.
«Птица на скале».
1920-е

авторства Давида Бурлюка — совсем другой Сорокин, незнакомый большинству, — милый и задумчивый человек.

Сорокин был известным мистификатором — выдавал чужие литературные произведения за свои и наоборот. Купленные и подаренные картины и рисунки он тоже подписывал «Антон Сорокин». Так что имена авторов многих произведений — например, солнца над черепичными крышами, нарисованного цветными карандашами в манере импрессионистов, до сих пор остаются загадкой.

Антон Семенович рисовал, хотя профессиональным художником не был — увлекался декоративными приемами, обращался к мистическим образам. Порой

Последний бой Мастера

НЫНЕШНИЙ сентябрь пройдет в Калужской области под знаком очень крупного и важного события. Причем не только для региона, но и для всей нашей национальной культуры. На территории Калужской Свято-Тихоновой пустыни в присутствии высоких гостей — руководителей государства, первоиерархов Русской православной церкви, известных деятелей науки и искусства — откроется величественная диорама «Стояние на Угре».

К торжественности мероприятия примешивается горечь невосполнимой утраты. 16 июля этого года ушел из жизни автор написанного для этой диорамы монументального (7х26 м) полотна, один из лучших русских живописцев XXI века Павел Рыженко. Именно здесь, в Калужском крае, 44 года назад он родился. На Ждамировском кладбище под Калугой был, по завещанию, похоронен.

Наследие художника-патриота (бесспорно, просвещенного консерватора) уже сейчас заняло достойную нишу в сокровищнице отечественной живописи. Нетрудно предположить, что ценность картин Рыженко, львиную долю которых составляют исторические произведения, с годами будет только расти. Как и интерес к ним со стороны любителей искусства, ценителей прекрасного. Свое жизненное и творческое кредо художник однажды выразил словами: «Надеюсь, что мои картины разбудят генетическую память современников, гордость за свое Отечество, а быть может, помогут зрителю найти для себя единственно правильный путь. И тогда — я буду счастлив выполненным долгом».

«Стояние на Угре» — последняя работа мастера. В ней отражен исторический эпизод, во многом

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Павел Рыженко (1970–2014)

определивший судьбу нашей страны. В 1480 году хан Ахмат, приведший свои войска к реке Угре (недалеко от того места, где сегодня располагается Калужская Свято-Тихонова пустынь), намеревался силой заставить русских князей во главе с Иваном III опять подчиниться Орде. Однако понял, что Русь ему заново не покорить, и отступил. Так закончилась эпоха Ордынского ига.

Отдавая дань памяти П.В. Рыженко, публикуем на страницах журнала репродукции его картин (см. стр. 3, 10, 27, 29, 33, 37, 41, 4-я стр. обложки).

Вряд ли есть смысл характеризовать здесь особенности творчества художника, его манеру, школу, мировоззренческие установки. Об этом исчерпывающе говорят сами произведения.

Жизнь Арсеньевых

Елена Чавчавадзе

«Время разбрасывать камни и время собирать камни»... В XX веке Русский мир из-за революций и других социальных катастроф не однажды рушился, «разбрасывался». В XXI — пришло время целенаправленного, всем нам необходимого собирания.

В начале 2000-х мы, творческая группа Российского фонда культуры, начали осуществлять для РТР и соответственно для миллионов наших телезрителей большой историко-документальный проект «Русские безъ Россіи». Его лицом стал Н.С. Михалков.

Нам довелось побывать в нескольких странах, приютивших у себя после революции 1917 года и Гражданской войны представителей отечественной аристократии, Белого движения, других групп русских людей, которым в большевистской России оставаться было крайне опасно. Они, как никто другой, осознали, что такое подлинная трагедия разделенного народа. Восемь десятков лет эти люди, а также их дети были оторваны, изолированы от близкого, родного им мира. Одна из таких поездок состоялась на территорию теперь уже бывшей Югославии, где мы встречались с потомками эмигрантов первой волны. Жанр документального фильма не позволяет обнародовать весь снятый на камеру материал. И хорошо, что на помощь приходит журнал «Свой».

Первая публикация под новой (а кому-то и хорошо знакомой) рубрикой — фрагмент рассказа историка, писателя, коллекционера, общественного деятеля и просто русского патриота, жителя сербского города Нови-Сад Алексея Борисовича АРСЕНЬЕВА.

П. Рыженко «Царские погоны»
(№1 из Триптиха «Русский век»), 2007

Русские в Новом Саду

Мы, а вернее, наши ближайшие предки, стали массово обживать этот город после 1920 года. Между собой называем его Новым Садам. Много ли русских здесь сейчас проживает? А это смотря кого считать русскими — тех, кто является таковым по происхождению, или тех, кто осваивает русскую культуру, знает язык исторической родины, живет мыслями о России. Последних в нашем городе, полагаю, считанные единицы, в Белграде — едва ли сотня наберется. И это при том, что в столице Сербии живут около 2000 человек с русскими корнями. В Новом Саду — примерно 250, то есть примерно тысячная часть от всего коренного населения.

Ваш покорный слуга, 1946 года рождения, — один из последних, как я полагаю, настоящих русских в этом городе. И это ко многому обязывает. Например, заниматься описанием быта и деятельности в Новом Саду наших соплеменников.

Мои родители прибыли сюда в 1949 году, то есть родился я не в Нови-Саде. Однако почти именно его считаю своей малой родиной. Здесь я рос, получил образование, здесь же, в постоянном общении с русскими эмигрантами и их потомками, сформировалось мое национальное самосознание. В конце 1990-х написал

об этом книгу «У излучины Дуная», которая вышла в московском издательстве «Русский путь».

Бунинское имя

Нобелевскую премию Иван Алексеевич Бунин получил, как известно, за роман «Жизнь Арсеньева». Не исключая, что и Алексеем меня нарекли в честь главного героя бунинского произведения. Более того, роман в известной мере отражает обстоятельства жизни моих предков, представителей старого дворянского рода. В 1903 году в Туле вышла книга «Род дворян Арсеньевых 1389–1901 гг.». Вполне возможно, что где-то она попала на глаза нашему выдающемуся писателю.

Реальные Арсеньевы происходят от Аслана Мурзы Челебея, который с тремя сотнями татар прибыл в 1389 году из Золотой орды к Дмитрию Донскому. Затем принял православие и стал служить московскому князю. От этого родоначальника пошли известные российские фамилии — Ртищевы, Юсуповы и Арсеньевы. Я представляю 23-е колено от Аслана Мурзы. В роду много было известных, заслуженных людей. К примеру, очень интересная судьба у моего прапрадеда Александра Ильича Арсеньева. Родился в 1810 году, окончил Горный институт и Горно-кадетский корпус в Петербурге. Будучи молодым инженером, получил направление на

Петровские заводы в Забайкалье. Там был дружен с декабристами — братьями Бестужевыми, Лорером... Николай Бестужев даже портрет Александра Ильича нарисовал. А иркутский и енисейский генерал-губернатор Вильгельм Яковлевич Руперт, завоевавший особое расположение Николая I, как раз во время декабристского мятежа выдал за А.И. Арсеньева замуж свою старшую дочь Людмилу, мою прапрабабушку. О том, как проходила их свадьба, и другие факты, связанные с жизнью прапрадеда в Восточной Сибири, можно прочесть в не раз издававшейся переписке знаменитых каторжан, то бишь опять же декабристов.

Мой дедушка Петр Алексеевич Арсеньев был профессиональным военным и участвовал в боях Первой мировой уже с августа 1914 года — с начала Галицийской битвы. Его полк — 11-й уланский Чугуевский Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны — стоял тогда неподалеку от Дубно, на Волини. После революции дед, полковник русской армии, пошел в добровольческую армию, воевал на юге России. Из Крыма с врангелевскими войсками эвакуировался на полуостров Галлиполи. В 1921 году оказался в лагере для беженцев в Салониках. А оттуда перебрался с одним из эшелонов в Королевство сербов, хорватов и словенцев, сначала — в словенский город Марибор.

В то время в Европе царила дикая послевоенная неразбериха — с распавшимися либо вновь образованными государствами. Что уж говорить о сотнях тысяч русских беженцев, которых куда только не забрасывала судьба.

Отец

Из-за этого хаоса дед в эмиграции не мог найти своего единственного сына, моего отца, Бориса Петровича, много-много лет. Дело в том, что папа, родившийся в 1908 году,

А.Б. Арсеньев в детстве

Во время войны папа сотрудничал с партизанами, участвовал в подготовке и осуществлении партизанских диверсий. В то же, военное, время женился на моей маме Тамаре Александровне

Свадьба
Б.П. Арсеньева
и Т.А. Борисовны

покидал Родину не из Крыма, а из Новороссийска. Десяти лет от роду он был определен в Донской казачий кадетский корпус в Новочеркасске, а когда исход Гражданской войны был уже ясен, эвакуировался из России вместе с англичанами. Попал сначала на греческий остров Лемнос, затем — в Египет, в военный лагерь, сохранившийся после Первой мировой. Будучи 12–13-летним юнцом, получал паек английского солдата, вместе с другими кадетами пил джин и курил папиросы. Англичане вскоре прекратили всякую помощь Белому делу, перестали финансировать и Донской кадетский корпус. И тогда его части были приняты в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Мой отец и его товарищи оказались на этой земле в начале 1922 года: сначала в маленьком, заброшенном боснийском городке Билече, а через несколько лет — в Горажде, тоже в Боснии. Там и состоялся последний выпуск Донского императора Александра III казачьего кадетского корпуса. Впрочем, последним он стал в том его, первоначальном, виде и качестве. В начале 1990-х в Новочеркасске этот корпус возродился, чему я очень рад.

Дед и отец встретились после многолетней разлуки только в 1930-е. Папа по окончании кадетского корпуса поступал на агрономический факультет Белградского университета, а дед в то время находился в Белой Церкви (Бела Црква. — «Свой»), где служил секретарем в Доме русских инвалидов войны. Дедушка, сам получивший сильную контузию в военные годы, прежде чем туда попасть, успел поработать в Белграде административным служащим и даже держал табачный ларек. Это обстоятельство и позволило им наконец найти друг друга, в Белграде отец узнал о местонахождении дедушки, о его переезде в югославскую Белую Церковь.

Университет отец окончить не смог, видимо, не позволило матери-

альное положение. Учась, какое-то время подрабатывал музыкой. Очень хорошо пел, играл на балалайке, гитаре, духовых инструментах. Перед Второй мировой войной выступал с русскими национальными ансамблями в курортных местечках Адриатики. С началом войны уехал из оккупированного немцами Белграда в Кикинду, находящуюся примерно в 130 км от сербской столицы. Звал туда же дедушку, но тот отказался покинуть друзей, престарелых воинов, однополчан и просто русских братьев по оружию.

Во время войны папа сотрудничал с партизанами. Являясь специалистом-агрономом, пусть и без университетского диплома, работая в Кикинде на заводе по обработке конопли (она была стратегическим товаром для немцев, те использовали ее для пошива военной формы и некоторых других нужных им вещей), участвовал в подготовке и осуществлении партизанских диверсий, например, поджогов производственных складов. Там же и в то же, военное, время женился на моей маме Тамаре Александровне, урожденной Борисевич.

Мама

Мама родилась в 1910-м в Риге. Ее младший брат Владимир появился на свет в 1914-м. Незадолго до

революционных событий семья переехала в Петербург, где проживала на Шпалерной улице. Глава семьи Александр Людвигович служил секретарем военной тюрьмы в «Крестах». Часто пересказывал домашним, прежде всего своей жене, моей бабушке Зинаиде Ивановне, слухи, связанные со столичными событиями, жизнью царского двора и аристократии вообще. Бабушка была для своего мужа хорошей собеседницей, сама неплохо разбиралась в политике, недолюбливала царскую чету и в то же время считала монархию единственно возможной формой правления для России. Когда произошел Октябрьский переворот, некие красногвардейцы помогли дедушке сбежать в Финляндию, дабы тот не угодил под репрессии. Видимо, он, несмотря на службу в «специфическом» ведомстве, придерживался умеренных левых взглядов. Возможно, как-то помогал революционерам или просто слыл среди них честным, порядочным человеком.

Как бы то ни было, долго за границей он не пробыл, вернулся в Петроград к семье, пережившей страшное, голодное время. Бабушка впоследствии рассказывала, как она, увидев однажды в окно павшую лошадь, бежала к ней с ножом, чтобы отрезать кусок мяса, и какую нешуточную борьбу ей пришлось вести за этот кусок с дру-

гими оголодавшими питерцами. Была очень холодная зима, и чтобы хоть немного согреться, печку топили домашней мебелью. И вот в один из вечеров в квартиру вошел дед, который велел всем срочно собираться в дорогу: через полчаса должна была выехать из Петербурга какая-то подвода, и нужно было во что бы то ни стало успеть на нее погрузиться. Бабушка во время бегства забыла на своем шкафу личные драгоценности — немного золота и камней. Зато прихватила с собой большой кусок белого полотна. Некогда освоив швейное ремесло, она использовала это умение и запасенную материю для пошива мужских рубашек, на которые в Бердянске был какой-никакой спрос. Именно туда сбежали Борисевичи из голодного и холодного Петрограда. Александр Людвигович столярничал, делал нехитрую мебель, дети Тамара и Володя бегали по набережной Азовского моря с нанизанными на веревку бычками и продавали их горожанам.

Хождение по мукам

Примерно год они прожили в Бердянске, пока не были вынуждены окончательно покинуть Россию. Эвакуационный пароход с ними на борту отчалил из Феодосии. Во время этого плаванья дед заболел тифом, метался в бреду, однако

П. Рыженко «Зонтик». 2008

смог при прощании с бабушкой условиться — на случай, если потеряются — о будущей встрече в родной для обоих Риге. Больного высадили в Константинополе, где он был отправлен в лазарет, а остальные члены семьи на пароходе «Владимир» проследовали в район Адриатического побережья. Судно с двумя тысячами беженцев причалило в Бакарской бухте. После двухнедельного карантина всех высадили — с тем, чтобы из Бакара длинный железнодорожный состав (из 20 с лишним вагонов) развез этих людей по всему Королевству сербов, хорватов и словенцев. Пассажиров оставляли по пути следования согласно правилу: одна станция — один вагон. Один из последних вагонов, в котором ехали мои бабушка, мама и дядя, подлежал «разгрузке» в северной Хорватии, на границе с Венгрией, в местечке Доньи-Михольяц. Население там составляли хорваты, венгры и немцы. Когда туда прибыл эшелон, на площади села собрались местные жители и стали решать между собой судьбы беженцев. Писарь и нотариус составляли список с подробными указаниями: кто и кого принимает на временное проживание. Кого-то охотно брали к себе как рабочую силу, помощников по хозяйству. Моей бабушке с ее далеко не совершеннолетними детьми могло повезти в этом плане разве только в самую последнюю очередь. Но выручил счастливый случай.

Когда Зинаида Ивановна уже было отчаялась, стала лихорадочно раздумывать о том, как ей с детьми дальше мыкаться в чужом краю, без постоянной крыши над головой, к площади подкатила бричка с двумя женщинами. Это были экономка и повариха из большого графского имения, находившегося неподалеку. Женщины между собой разговаривали по-немецки и довольно громко обсуждали незавидную судьбу новоприбывших. Госпожа Майер, в частности, заметила, что

Новый Сад

было бы, дескать, некрасиво, если бы их имение не приняло к себе кого-то из беженцев. И тут бабушку выручило ее хорошее знание немецкого. Она обратилась к дамам и обрисовала свое положение. Так мои близкие родственники по материнской линии обрели первое пристанище вдали от Родины.

Чудо в Будапеште

Дедушка тем временем кое-как оправился от болезни и начал поиски. В Константинополе ему сказали, что пароход увез его родных в Марсель, поэтому Александр Людвигович поспешил во Францию. Никого там, понятное дело, не нашел, устроился на работу на автозавод «Рено» и при этом не прекращал поиски, постоянно давая объявления в газеты. Изъездил с той же целью Германию и Чехословакию. И наконец, в один прекрасный день приехал в Будапешт. Купил там билет на поезд в Ригу и в тот же вечер должен был туда отправиться. Но вдруг почувствовал себя неважно и зашел за лекарством в первую попавшуюся аптеку. Сел за столик и стал рассказывать аптекарю о своей беде, как потерял семью.

Дальше случилось то, что не выглядит вполне правдоподобно даже в романах и кинофильмах. Аптекарь спросил: «А не зовут ли вашу жену Зинаидой?» — «Да, именно так ее и зовут» — ответил дед. — «И у нее двое детей?» — снова задал вопрос аптекарь. — «Двое — мальчик и девочка...» — «Мои дальние родственники, живущие на границе Королевства сербов, хорватов и словенцев, приютили в графском имении одну русскую женщину. При ней как раз были дети, которые по описанию очень похожи на ваших».

Дед тут же бросился на железнодорожный вокзал и поменял билет. Вместо поезда до Риги сел на тот, который следовал по маршруту Будапешт — Сараево. И вот таким, абсолютно чудесным, образом семья воссоединилась.

В том же счастливым для них году в газете «Новое время» было опубликовано объявление о том, что новой русской гимназии в Кикинде требуется секретарь. Александр Людвигович предложил себя на эту должность и был на нее принят. Так семья оказалась в городе, в котором моя мама спустя много лет познакомилась с моим отцом...

Футбол против геноцида

Минувшим летом в России, и в частности в Крыму, вновь побывала большая группа юных сербов из «независимого» Косово. Такие поездки вот уже третий год подряд организуют наши патриотические благотворительные организации. Прежде всего Союз русского и сербского народов. Как и почему зародилась новая традиция, рассказывает руководитель Союза, иконописец Роман Илюшкин.

Славянский рубеж

Обитель

На умытой кровью, наполненной костями тысяч убиенных за Христову веру земле Косово есть место, где время как будто останавливается. Настолько тут все исполнено святой тишиной и благодатью. Это церковь Благовещения Пресвятой Богородицы в монастыре Грачаница. В одноименном селе, окружающем храм, живет известная здесь семья Поповичей. Несколько веков их предки по мужской линии служили в обители священниками. Семейное предание хранит скупое упоминание об одном из них — протоиерее Стефане Поповиче, тайно отравленном турками-османами.

Несколько лет назад в селе Грачаница был убит сербский юноша из того самого рода священнослужителей. Убит теми, кто испытывает здесь непреходящую ненависть ко всему сербскому и ко всему славянскому...

У входа в обитель уже 15 лет несут караульную службу натовские солдаты из международного — так называемого «миротворческого» — контингента. За массивной стеной, обнесенной колючей проволокой, — та самая Благовещенская церковь, возведенная в первой четверти XIV века сербским властителем королем Милутином. Этот шедевр сербской средневековой архитектуры сегодня охраняется ЮНЕСКО. Вокруг обители, на пологом плоскогорье Балканской гряды привольно раскинулось большое село с крытыми черепицей домами, садами и виноградниками. Еще недавно эта земля была сербской. С февраля 2008 года, после самопровозглашения в Косово албанского государства, все сербы,

проживающие тут испокон веков, стали изгоями.

Выстрел в спину

В ту последнюю в своей жизни июньскую ночь семнадцатилетний Дмитрий Попович вместе с приятелями долго гулял по родному селу, радуясь наступлению каникул. Он успел окончить второй курс Медицинской школы в Грачанице, куда во время натовских бомбардировок 1999 года учебное заведение было переведено из соседней Приштины, стародавней столицы Косовского края. Перед тем как разойтись по домам, ребята решили подкрепиться, купив по бутерброду в крошечном сербском придорожном кафе. Дмитрий вызвался угостить друзей и зашел в киоск. Смерть подкралась неожиданно — на тихо подъехавшей белой «ауди» с косовскими номерами. Опустив боковое стекло, убийца сквозь витрину кафе из автомата АК-47 выпустил четыре пули. Одна из них попала Дмитрию в затылок...

Возмущение сербов было настолько велико, что замять дело ал-

Часовня памяти Дмитрия Поповича.
Село Грачаница. Косово

банской стороне и ее заокеанским покровителям впервые (и по сию пору этот случай остается в своем роде единственным!) не удалось. На суде убийца заявил, что жалеет только об одном: у него очередной патрон заклинил в стволе, и он смог убить лишь одного серба. Отпевали Дмитрия в древней церкви

Благовещения. После панихиды по убиенному старый епископ Косово-Метохийский сказал: «Сейчас неделя святых. Господь пожелал на этот праздник причислить к лику святых и нашего Димитрия...»

Цветы и турнир

В центре села Грачаница, прямо у дороги и неподалеку от монастыря, рядом с внушительного вида зданием косовской полиции стоит изящная часовня. Она сложена из тесаных блоков пористого природного камня и похожа на уменьшенную копию какой-нибудь сербской старинной церкви. Если открыть входную дверь, то можно увидеть портрет Поповича, всегда окруженный цветами. Рядом — открытка с изображением трех оптинских монахов-новомучеников, сербский флаг и два футбольных вымпела. На полу часовни — поминальная свеча. Пока она горит, жива народная память о невинных жертвах террора, обрушившегося на сербскую землю, надежда сербов на лучший исход и, конечно, православная вера в народе сербском на Косовом поле.

Каждый год на скромные средства, собранные семьей Димитрия Поповича, — что называется, с миру по нитке — в селе Грачаница устраивается футбольный турнир памяти юноши. Как и все сербские ребята, Димитрий очень любил футбол. На закрытии турнира игрокам и болельщикам, прибывшим из разных стран, по сложившейся традиции зачитывают письмо Никиты Михалкова. Как же радуются сербы, когда слышат эти слова из братской для них России! Более того, главная и самая желанная награда этого первенства — поездка лучшей команды в Россию.

От Сергия — к Невскому

Первая подобная поездка состоялась в начале августа 2012-го. Побе-

дители турнира прилетели рейсом «Аэрофлота» — благодаря помощи все того же Михалкова. Возглавил делегацию Драголюб Попович, отец погибшего Димитрия. Из Шереметьево-2 гости были доставлены в Сергиев Посад и поселились в доме отдыха. На завтра мы первым делом повезли их в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Историки

П. РЫЖЕНКО. «БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЕРГИЯ», 2005

**Сербь пришли в обитель
преподобного Сергия
Радонежского, чтобы
приложиться к святым
мощам и испросить
молитв о долгожданном
мире на косовской земле**

утверждают, что Троицкий храм, где на протяжении веков покоятся святые мощи основателя обители, был построен в 1422 году сербскими зодчими, нашедшими на Руси свое спасение от жестоких преследований турок-осман, поработивших Сербию почти на пятьсот лет.

На следующий день паломники из Косово поехали в древнерусский

Переславль-Залесский. Именно здесь когда-то родился и вырос благоверный князь Александр Невский, легендарный святой защитник русской земли. Когда возвращались в Сергиев Посад, я заметил некоторую грусть на лицах сербов. Один из них произнес: «Вы в России должны быть счастливы потому, что тут можно идти и ехать куда хочешь. А мы, когда выбираемся из наших сел, постоянно опасаемся за свою жизнь».

Еще перед поездкой в Россию наши сербские друзья единодушно поддержали идею провести футбольные встречи в Сергиевом Посаде и Цхинвале. Когда я по телефону рассказал об этом директору Цхинвальской школы-интерната для детей-сирот Роланду Тедееву, он, не раздумывая, пригласил нашу спортивную делегацию к себе. Решено было сначала провести матч в Цхинвале и приурочить его к приближающейся четвертой годовщине со дня начала грузинской агрессии против Южной Осетии, а уже затем, по возвращении в Россию — в городе преподобного Сергия Радонежского.

В Цхинвал

По пути из аэропорта во Владикавказ мы сделали остановку в Городе Ангелов — так называют мемориальное кладбище, где похоронены жертвы бесланской трагедии 2004 года. Около могилы с портретами двух девочек нам встретила седая осетинка, которая, сдерживая слезы, рассказала, что здесь лежат ее внуки, ученицы начальных классов. Они вместе погибли в захваченной террористами школе. Как же понимал эту женщину Драголюб Попович, потерявший в Косово младшего сына, и как понимали ее юноши, ставшие на своей родине свидетелями натовских ракетных атак и настоящего геноцида сербского населения со стороны боевиков террористической Армии освобождения Косово...

СЛАВЯНСКИЙ РУБЕЖ

Команда-победительница мемориального турнира в Грачанице со своими российскими друзьями

Сербы в Косово играют, как правило, на «харде»

Перед игрой в Цхинвале

Над трибунами стадиона в Грачанице реют российские и сербские флаги

Троице-Сергиева лавра встречает сербских единоверцев

Два капитана.
После русско-сербского матча в Сергеевом Посаде

Из Владикавказа мы долго ехали по пологому плоскогорью, скалистым предгорьям, мимо утесов Кавказской гряды. На территорию Южной Осетии прибыли через четырехкилометровый Рокский тоннель, напрямую связывающий Россию с новообразованной республикой. Именно по этой высокогорной артерии, вырубленной в скальном монолите, пробивалась в августе 2008 года к осажденному Цхинвалу российская армия...

Делегация посетила цхинвальскую городскую среднюю школу №5, чтобы почтить память жителей города, погибших в дни варварских обстрелов 2008-го. На ступени кладбищенской часовни, рядом с памятными венками расцветки российского и югоосетинского государственных флагов возложили букет алых гвоздик, памятный вымпел футбольного турнира в Косово и медаль с портретом сербского юноши, убитого террористами. Потом гостей повезли к мемориалу жертвам грузинской агрессии — десяткам сожженных легковых автомобилей, в которых люди погибали от прямых попаданий снарядов. Артиллерия режима Саакашвили была прямой наводкой по мирным жителям, когда те пытались выехать из города, спасая себя и свои семьи. На обочине шоссе увидели еще один памятник — скульптуру женщины, прижимающей к себе ребенка. На этом месте грузовик, вывозивший женщин и стариков из горящего Цхинвала, попал в засаду. Когда бандиты открыли автоматный огонь по безоружным людям, все, кто был в открытом кузове машины, постарались заслонить мать с ребенком. Та в свою очередь накрыла собой дитя. Погибли все, кроме младенца... В молчании стояли сербы у бронзового монумента — и, видимо, вспоминали что-то похожее, то, чему свидетелями они были на родной земле... Импровизированный обед для делегации устроили на берегу стремительной горной реки, в поросшем густым

лесом ущелье. Более всего запомнились знаменитые осетинские пироги и чистая ключевая вода. Но сначала все поднялись по специально сделанной лестнице по лесистому склону к пережившей века небольшой христианской церкви и зажгли здесь свечи. Помню, кто-то из сербов сказал, что здесь, на древней земле Южной Осетии, такие же красивые горы, леса и реки, как в Косово, и такие же древние храмы. Полные впечатлений мы возвращались в Цхинвал — на долгожданный матч. Когда приехали на стадион, в глазах сербов, уви-

ний товарищеский, а точнее, братский матч, имеет историческое значение для югоосетинского народа и сербов Косово. Спортсмены Сербии и Южной Осетии участвовали в состязании, которое послужит на долгие годы ориентиром на пути к миру и созиданию».

На следующий день мы были приглашены на концерт, приуроченный к Дню независимости Республики Южная Осетия. На сцене заполненного до отказа городского Дома культуры выступали осетинские песенные и танцевальные коллективы. Уезжать из гостеприимного Цхинвала, где к сербам отнеслись как к братьям, нам не хотелось. Но впереди ждал еще один, теперь уже российско-сербский товарищеский матч в Сергиевом Посаде.

Горящая свеча

Среди гостей присутствовал чрезвычайный и полномочный посол Республики Сербия в России Славенко Терзич, который поблагодарил всех россиян, помогающих в организации этого замечательного международного состязания, в деле укрепления исторических связей наших братских народов.

На футбольном поле в одну шеренгу, плечом к плечу, встали сербские и российские спортсмены. Прозвучали гимны, над стадионном взвились государственные стяги двух стран. Гости сумели одержать верх. После награждения участников сербские и русские юноши обнялись, поздравив друг друга с хорошей игрой.

Перед отъездом сербы вновь пришли в обитель преподобного Сергия Радонежского, чтобы еще раз приложиться к святым мощам и испросить молитв о долгожданном мире на косовской земле. Помню, один из спортсменов, возжигая перед иконой Троицы свечу, тихо сказал: «Пока идут русские люди к гробу преподобного Сергия, будет жить Россия. И никто ее не одолеет, если мы будем вместе».

девших огромное футбольное поле, засветилась детская радость. У себя на родине они вынуждены играть только в мини-футбол; все крупные спортивные сооружения теперь в руках новых хозяев Косовского края. Перед началом игры прошло торжественное построение сербской и югоосетинской футбольных команд. Вслед за вступительным словом о необходимости единения народов, переживших войну, над стадионном подняли государственные стяги республик Южной Осетии и Сербии. Матч прошел очень динамично, сыграли вничью — как говорят в таких случаях, победила дружба. По окончании прозвучали замечательные слова: «Сегодняш-

Дмитрий де Кошко:

«Европейские ценности теперь защищает Россия»

Юрий Коваленко, Париж

Известный общественный деятель, журналист Дмитрий де Кошко представляет во Франции третье поколение той русской эмиграции, которой после Октябрьской революции пришлось покинуть Отечество. Сегодня он — председатель Координационного совета российских соотечественников во Франции.

СВОЙ: Род Кошко оставил заметный след в истории. Кто стоял у его истоков?

Де Кошко: Федор Кошка — «комендант» Москвы во время битвы Дмитрия Донского на Куликовском поле... Те, кто жил в России, потом стали Кошкиными, а представители другой ветви, к которой я принадлежу, бежали в Литву, спасаясь от опричнины. И там люди с фамилией Кошка назывались уже Кошко.

СВОЙ: Ваш прадед — генерал Аркадий Францевич Кошко (1867–1928) — руководил Московской сыскной полицией. Этот основоположник отечественной криминалистики вошел в историю как «русский Шерлок Холмс».

Де Кошко: Он провел реорганизацию московской полиции, которая тогда была ужасно коррумпирована и ненадежна. Благодаря усилиям Аркадия Францевича в 1913 году она заняла первое место в мире по числу раскрываемых преступлений. В 1990-е годы мне говорили, что методология Кошко по-прежнему актуальна, а его работы оставались в МУРе за-

П. Рыженко. «Паша в Париже»
(№3 из Триптиха «Русский век»). 2007

секреченными. Кроме того, прадед создал уникальную систему классификации данных дактилоскопии. Одно дело — взять отпечатки пальцев, другое — найти, кому они принадлежат.

СВОЙ: Кажется, его системой заинтересовался Скотланд-Ярд?

Де Кошко: Когда прадед приехал во Францию, ему предложили работу в Англии. Он отказался, потому что надо было принимать британское подданство. Аркадий Францевич хотел остаться русским. Ему пришлось зарабатывать на жизнь в парижской меховой лавке. Чтобы отвлечься от этой работы, он написал «Очерки уголовного мира царской России».

СВОЙ: Брат Вашего прадеда — Иван Францевич Кошко (1859–1927) — был вице-губернатором Самары, губернатором Пензы и

Аркадию Кошко пришлось зарабатывать на жизнь в парижской меховой лавке. Чтобы отвлечься от этой работы, он написал «Очерки уголовного мира царской России»

Перми. Его «Воспоминания» издавали в дореволюционной России.

Де Кошко: Его считали столыпинским губернатором. То есть он получил столь высокий пост не потому, что был дворянином, не по благу или протекции, а за заслуги и компетентность. Сегодня Ивана

Францевича, специалиста по сельскому хозяйству, называли бы технокротом. Ему обычно приходилось выступать в роли «пожарного» — во время голода в Поволжье в начале XX века, Русско-японской войны и революционных событий 1905 года. Его послали в Самару, где губернатором был Иван Львович Блок — дядя великого поэта. Через несколько месяцев Блока убили террористы — когда они вместе с моим прадедом вышли на улицу. После этого в Самару никто не хотел ехать — все боялись. Тогда Ивана Францевича сделали исполняющим обязанности губернатора. Несмотря на опасности, он бесстрашно гулял по городу, и любой человек мог к нему обратиться.

СВОЙ: Оба прадеда умерли в Париже?

Де Кошко: Они похоронены на парижском кладбище Сент-Уан. Могила Аркадия Францевича сохранилась. Совсем недавно ветераны МУРа привезли на его могилу землю из белорусской усадьбы, в которой они с братом родились.

СВОЙ: Каким образом в русской фамилии появилась французская аристократическая приставка «де»?

Де Кошко: Предки ездили во Францию еще в конце XIX века. И, чтобы сделать им приятное, французы, зная, что они дворяне, прибавили к фамилии «де».

СВОЙ: Вы представляете третье поколение русской эмиграции, которое обосновалось во Франции. Какую миссию выполняет Координационный совет российских соотечественников в этой стране?

Де Кошко: Он создан три года назад. Мы поддерживаем контакты со всеми российскими представительствами — посольством, консульством, культурным центром, торгпредством, отделениями крупных российских фирм. Помогаем в проведении выставок, концертов, в осуществлении программ преподавания русского

Дмитрий де Кошко

языка для взрослых. Нашу диаспору, сложившуюся из разных «волн», объединяют общие интересы, язык и культура. Разумеется, нам безразличны и российско-французские отношения. По-французски называемся les Russes de France. Большую лепту в дело сотрудничества внес и перекрестный российско-французский год — 2010-й. Было проведено более 1300 различных мероприятий. Во Франции действуют свыше 160 общественных ассоциаций, связывающих наши страны.

СВОЙ: Если во Франции вдруг решил обосноваться некто Ваня Иванов, который абсолютно не ориентирован в местных реалиях и не знает, в какие двери стучаться, то вы ему поможете?

Де Кошко: Мы создали телефонную службу юридической помощи. Он может туда обратиться, и тогда попробуем помочь, объяснить, как действовать в тех или иных ситуациях. До сих пор практически обходимся без всякого финансирования — все держится на доброй воле и на энтузиазме.

СВОЙ: Сколько русскоговорящих сегодня живет во Франции?

Де Кошко: По некоторым оценкам, около 350 тысяч, но на самом деле — примерно полмиллиона. Число русскоговорящих в Евросоюзе достигает семи миллионов человек. После того как был избран новый состав Европейского парламента, продолжаем работу по приданию русскому языку должного статуса в Евросоюзе.

СВОЙ: Несмотря на впечатляющие цифры, русский язык во французских учебных заведениях постепенно сдает свои позиции.

Де Кошко: Действительно, в лицеях и в школах он отстывает. Закрываются классы. Иногда это происходит потому, что нет спроса. А иногда — ради так называемой экономии.

СВОЙ: Одновременно Вы возглавляете ассоциацию «Франция — Урал».

Де Кошко: Она создана 21 год назад. Сегодня нас поддерживает фонд «Русский мир». Несколько лет назад мы учредили премию «Русофония» — за лучший перевод с русского на французский. Каждый год на эту премию выдвигаются примерно полсотни книг. Мы с удивлением обнаружили, что больше всего русской литературы переводится на французский, а не на английский или немецкий языки. Экономически это неоправданно, поскольку рынок здесь небольшой. Однако издатели публикуют такие книги, потому что французы любят русскую литературу, чувствуют с русскими некую духовную близость.

СВОЙ: Наконец началось строительство Российского духовно-культурного центра на набережной Сены рядом с Эйфелевой башней. Для россиян во Франции это огромное событие.

Де Кошко: В одном из зданий комплекса разместится российско-французская школа. Это наша инициатива, которая получила поддержку.

СВОЙ: Вы родились во Франции, но языками Толстого и Бальзака владеете одинаково хорошо. Ощущаете себя больше русским или французом?

Де Кошко: Я бы сказал «русским французом». Образование у меня французское, а воспитание — русское. Здесь таких, как я, называют Français plus — то есть француз и вдобавок что-то еще. В профессиональном плане — как журналист — пользуюсь больше французским. Зато эмоционально ощущаю себя русским.

СВОЙ: В чем же, на Ваш взгляд, принципиальное различие французского и русского характеров?

Де Кошко: Русским свойственна широта и даже экстремальный подход. У французов же я ощущаю порой определенную мелочность, расчетливость. Это связано с тем, что Франция — крестьянская страна. И крестьянский менталитет остался — они люди осторожные, осмотрительные, порой скрытные. При этом французы, хотя и не немцы, но гораздо организованнее русских, привыкших все делать в последний момент. Французов это всегда поражает.

СВОЙ: Вы 33 года проработали в агентстве «Франс Пресс». Почему французские СМИ демонизируют Россию?

Де Кошко: Причины разные. У многих остались стереотипы «холодной войны». Это связано с влиянием Соединенных Штатов и тех, кто во Франции и Евросоюзе идет у них на поводу. Американцы «положили

глаз» на журналистов, которые получают продвижение во влиятельных редакциях. Некогда меня самого во «Франс Пресс» остановили на определенном уровне — потому что я и славянин, и русский. Об этом мне прямо сказали. Запретили работать в Москве, предлагали отправиться в Африку.

СВОЙ: *Кого же тогда посылают в Москву?*

Де Кошко: В основном людей, настроенных против России. И главные редакторы, отобранные по политическим мотивам, указывают корреспондентам, что писать. Да те и сами понимают, что надо делать для успешной карьеры. Поэтому не будут присылать материалы, которые вызывают раздражение в парижских редакциях.

СВОЙ: *К сожалению, французские журналисты в большинстве своем плохо знают Россию и не понимают ее.*

Де Кошко: Я видел, как в Россию приезжали корреспонденты, не зная ни ее языка, ни культуры. По отношению к стране они применяют западные шаблоны. В Москве или Питере (а самые смелые — в Екатеринбурге) встречаются с «профессиональными диссидентами» или с людьми, которые очень хотят общаться с западными журналистами, всячески льстят им, чтобы поддерживать контакт. Эти русские полуинтеллигенты или полуинтеллектуалы кроют Россию так, как ни один иностранец не посмеет. И французы часто принимают все за чистую монету. Они не понимают, что тот же русский может перейти от смеха к слезам, от самых ужасных высказываний о своей стране к патристическим слезам по матушке-России.

СВОЙ: *Несмотря на антироссийскую риторику в СМИ, часть французского общественного мнения поддерживает Москву.*

Де Кошко: Для определенного консервативного слоя во Фран-

ции, который сейчас находится на подъеме, путинская Россия — единственная надежда. Она защищает традиционные европейские ценности.

СВОЙ: *В чем заключается глобальная задача Соединенных Штатов в Старом Свете?*

Де Кошко: В том, чтобы воспрепятствовать сближению Европы с Россией. Сейчас это наглядно

Для определенного консервативного слоя во Франции, который сейчас находится на подъеме, путинская Россия — единственная надежда

проявляется на Украине. Американцы опираются на антирусские настроения лидеров восточноевропейских стран. Невзирая на все обещания, подтянули НАТО к самым границам России. Считают Москву своим врагом, хотя Китай для них гораздо опаснее. Кроме того, чтобы не допустить сближения с Россией, ведутся переговоры

о создании трансатлантической зоны свободной торговли между Евросоюзом и Северной Америкой (ТАФТА).

СВОЙ: *Ну а где же великое наследие голлизма с его независимой внешней политикой?*

Де Кошко: Увы, генерал де Голль давно умер. Последним главой государства с остатками голлизма был Жак Ширак, который отказался участвовать в войне против Ирака. Рука американцев была видна и при выборе президентов Николя Саркози, Франсуа Олланда. Среди политических партий «антирусизм» наиболее ярко демонстрируют социалисты.

СВОЙ: *Вы побывали в Крыму после его возвращения в состав России. Каковы впечатления?*

Де Кошко: Я преподавал в Симферопольском университете, когда Крым еще был украинским. Ездил также в Киев и Ужгород. Сам видел, как закрывали русские школы и открывали украинские, где изучали Пушкина в переводах... В глазах крымчан это выглядело как совершенное безумие. Они чувствовали себя брошенными и забытыми. После возвращения Крыма в Россию все там вздохнули с облегчением.

Как иранский шах Хрущева пристыдил

Татьяна Уланова, Бахчисарай — Форос — Ялта

В этом году россияне дружно, массово, как никогда, устремились в Крым. И хотя виза на полуостров нашим гражданам и прежде была не нужна, именно возвращение исконно русских земель в состав РФ стало для многих соотечественников побудительным мотивом к тому, чтобы провести отпуск на Родине. Для православных поездка в Крым — это еще и возможность совершить паломничество по святым местам Тавриды, о которых, так уж случилось, мы почти ничего не знали.

ПОСЛЕ революции 1917 года участь большей части храмов и монастырей бывшей Российской империи была предрешена. Полуденный край не стал исключением. Культовые сооружения оскверняли, разрушали, разоряли, в лучшем случае оставляя нетронутыми хотя бы стены, устраивали там больницы, детские колонии, склады...

Теперь многие соборы восстановлены. Возродилась жизнь в обителях. Строятся новые церкви. Главное, что открываешь в Крыму как путешественник и паломник, — здесь есть действительно уникальные святыни. История некоторых из них напрямую связана с августейшим Домом Романовых. Чего стоит Крестовоздвиженская церковь в Ливадии, где молились три поколения русских царей — семьи Александра II, Александра III, Николая II. Своему появлению в 1863 году храм обязан супруге царя-освободителя. Крестовоздвиженская была домовою церковью. Здесь отпевали почившего в Ливадии государя Александра III, провозгласили им-

ператором его сына — Николая II, окрестили и нарекли Александрой Алису Гессен-Дармштадтскую. Таинство миропомазания совершил отец Иоанн Кронштадтский, которого еще при жизни считали святым. Последний раз члены императорской семьи присутствовали на молебне в Крестовоздвиженской церкви в июне 1914-го. Вскоре началась война. И Николай II справедливо решил, что ехать на море в такое время не подобает даже царям. Спустя несколько лет здесь устроили клуб, алтарь осквернили. Так и стоял храм, поруганный, вплоть до 1991 года. Пока не началось возрождение...

Монастырь вместо пляжа

С началом летнего сезона-2014 в интернете появилось небывалое количество предложений от организаторов паломнических туров в Крым. Цены не кусаются. Условия — вполне сносные. Кроме того, поездка почти всегда включает в себя пару дней отдыха на море. Хотя истинно верующие наверняка заменят пляж дополнительным посещением еще нескольких святынь. Потому что два дня на море — ничтожно мало. В городские храмы Севастополя или Большой Ялты может зайти любой желающий. А вот попасть в некоторые обители можно исключительно паломникам. Одно из таких закрытых мест — пещерный Свято-Успенский монастырь в ущелье Майрам-дере близ Бахчисарая. Обычные туристические экскурсии здесь не благословляются.

Первой из Романовых, 21 мая 1787 года, здесь побывала Екатерина II, которая, как свидетельствовал спустя сто лет в «Исторических рассказах о Крыме» Александр Уманец, вместе с римским императором Иосифом II «молилась в пещерном храме Успенского монастыря». Дважды — в 1818-м и 1825-м — обитель посещал госу-

П. Рыженко. «Братия», 2006

Храм Покрова Пресвятой
Богородицы в Ореанде

ФОТО: ИТАР-ТАСС

дарь Александр I. В своих поездках по полуострову русский монарх осматривал солдатские казармы и карантин, мечети и синагоги. И, конечно, православные храмы. В Успенском монастыре он первым делом поинтересовался, в каком месте произошло явление чудотворной иконы, в честь которой была основана обитель. А когда ему указали на скалу с изображением Богородицы и Младенца, поднялся по специально приставленной лестнице и приложился к святыне. Не однажды бывал в Успенском скиту 14-й император всероссийский Николай II. Последний раз — 30 августа 1913 года. Вместе с дочерьми и великой княгиней Ольгой Александровной.

— Здесь были все цари, но ни одного генсека и президента, — с сожалением резюмировал насельник обители отец Савел, сопровождавший группу Дирекции президентских программ Российского фонда культуры, которая снимала в монастыре эпизод для фильма с рабочим названием «Романовы и Крым».

История русского Афона, как называли Успенскую обитель раньше, наполнена легендами, мифами, домыслами. Кто-нибудь из монахов, сопровождающих группу па-

**Известный
фарфорозаводчик
Александр Кузнецов
решил возвести в честь
спасения царской семьи
церковь в Форосе,
потратив на строительство
50 000 золотых рублей**

ломников, непременно обрисует в красках сюжеты и про пастуха, и про змия, и про что-то еще...

Где правда, где небылицы, теперь уже не разберешь. Нет даже точной даты основания обители. Отец Савел говорит о шестом веке, ученые склоняются к примерной датировке восьмым и даже пятнадцатым столетием. Но то, что это уникальная православная обитель, находившаяся в непосредственной близости к мусульманской столице (до присоединения к России Бахчисарай был главным городом Крымского ханства), — факт неоспоримый. Впрочем, для верующих эти обстоятельства, скорее, вторичны. Попасть в Успенский монастырь стремятся в первую очередь из-за чудодейственной иконы Божией Матери: приложиться, попросить о здоровье, о даровании детей — в последнее время тех, кому поставили диагноз «бесплодие», здесь все больше. Едут с последней надеждой. А родив малыша, возвращаются с благодарностью...

Крушение императорского поезда

Еще одна православная жемчужина — форосская церковь Воскресения Христова. Памятник ар-

Церковь Воскресения Христова
в Форосе

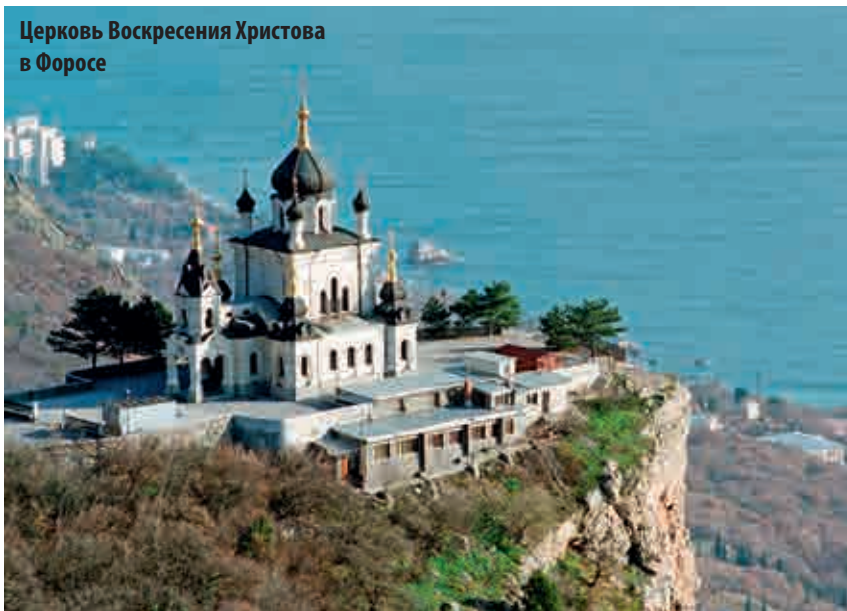

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Свято-Успенский пещерный
монастырь близ Бахчисарая

хитектуры XIX века возвышается на живописном утесе, на высоте 412 метров над уровнем моря. Виден и с моря, и с гор... 17 октября 1888 года на станции Борки Курско-Харьковской железной дороги произошло крушение поезда, в котором возвращалась в Петербург семья государя Александра III. Состав сошел с рельсов. Потрясенный произошедшим, известный фарфорозаводчик Александр Кузнецов решил возвести в честь спасения царской семьи церковь в Форосе, потратив на строительство 50 000 золотых рублей. Романовы часто бывали здесь.

Судьба храма трагична. Даром что в России таковая едва ли не у каждой святыни. В советское время здесь был устроен ресторан. Хрущев, сопровождавший в поездке по Крыму иранского шаха, пригласил высокого гостя на обед. А тот, оглядевшись по сторонам, категорически отказался есть в храме. Расстроенный, руководитель СССР приказал тут же ликвидировать предприятие общепита. Хорошо, хоть не вместе

с церковью. За сто с лишним лет ей и так досталось с лихвой — понадобились четыре реставрации, чтобы сегодня она выглядела достойно.

Кому-то покажется странным, но говорят, что чета Горбачевых, отдыхавшая на госдаче в Форосе, приложила усилия к восстановлению храма. Спустя годы, уже в 2004-м, деньги на реставрацию пожертвовал тогдашний президент Украины Кучма.

Быть в Ялте и не зайти в главный городской собор Александра Невского — непростительно. Один из самых красивых на всем крымском побережье, он был построен в честь императора Александра II, трагически погибшего от рук террористов в марте 1881-го. И освящен в честь небесного покровителя царской семьи — святого и благоверного князя. Проект главного архитектора Ялты Краснова утверждал лично государь Александр III. Супруга его Мария Федоровна заложила первый камень в основание. Освящать приехали лично Николай II с семьей. Опи-

сывать красоты собора, выстроенного в неорусском стиле, дело неблагодарное. Лучше один раз увидеть, зайти, пожертвовать на восстановление — сегодня внутри полным ходом идут реставрационные работы. Любопытный факт: в 1938 году храм был закрыт. А в период немецкой оккупации богослужения возобновились.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ореанде, монастырь Космы и Дамиана в диком ущелье природного заповедника под Алуштой... — это далеко не все святыни Крыма. И одной паломнической поездкой на полуостров явно не обойтись. Даже если исследовать только тему «Крым. Романовы. Православие». Как призналась одна из дочерей последнего императора, в Петербурге была служба, в Крыму — жизнь. А жизнь без храма Романовы себе не представляли...

Редакция журнала «Свой» благодарит вице-президента Российского фонда культуры Елену Чавчавадзе за помощь в подготовке материала.

Русский след

Кому улыбается Гранд-дама

Алексей Коленский

Венецианский международный кинофестиваль проходит в этом году уже в 71-й раз. Старейший в мире кинофорум называют Гранд-дамой: все мировые фестивали класса «А» вышли из классной комнаты строгой венецианки, появившейся на свет 6 августа 1932 года в отеле «Эксельсиор».

Граф и меценат Джузеппе Вольпи ди Мисурата открыл первый в истории международный праздник кино, организованный по личному поручению дуче, видевшего в «важнейшем из искусств» орудие пропаганды. Но не только этим обстоятельством объясняется триумф Николая Экка, признанного на дебютных смотрах лучшим режиссером мира. За 14 лет до появления неореализма советская «Путевка в жизнь» доказала: в повседневной жизни маленьких людей есть место чуду, подвигу и высоким чувствам.

В 34-м обосновавшийся на острове Лидо Венецианский МКФ отметил главным призом советскую программу. Во главе нашей сборной блистали «Веселые ребята» Александрова и «Окраина» Барнета. Затем волей политических обстоятельств — вплоть до 43-го — фаворитами международной киновыставки были нацистская Германия и гламурный Голливуд.

В 46-м Венеция вспомнила свою первую любовь — советское кино: Золотыми медалями наградила «Клятву» Чиаурели и «Непокоренных» Донского, год спустя — «Весну» Александрова. Утомленная затянувшимся романом с неореалистами, в 53-м Венеция признала Сергея Столярова лучшим актером за полувековую историю кино (режиссер «Садко» Александр Птушко удостоился «Серебряного льва»). Сыгравшая в «Садко» Алла Ларионо-

Род Стайгер и Клер Блум. 1963

«Веселые ребята». 1934
«Садко». 1953
«Весна». 1947
«Живет такой парень». 1964

ва затмила европейских красавиц, получила заманчивые предложения от первых режиссеров Европы и самого Чарли Чаплина. Но не срослось — Родина оградила красавицу от западных соблазнов.

Два года спустя грянул новый триумф: дебютант Самсон Самсонов также получил «Серебряного льва» за «Попрыгунью».

Расцвет отношений СССР с Гранд-дамой пришелся на первую

половину 60-х. И это закономерно: вдохновленный картинами Марка Донского, суровый, страстный, мелодраматичный неореализм задал планку послевоенному поколению советских режиссеров, доказавших: долг платежом красен. В золотые годы европейской кинематографии венецианскими наградами были отмечены десять отечественных лент. Любопытный казус: «Морозко» Роу, «Зво-

Брижит Бардо. 1958

Молодожены Мик и Бьянка Джаггер. 1971

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Сергей Столяров. 1954

нят, откройте дверь» Митты и «Живет такой парень» Шукшина получили «Золотых львов» в номинации «Лучшие фильмы для детей», а совершеннолетний «царь зверей» покорился лишь «Иванову детству» Тарковского.

Между Россией и Венецией существовала мистическая связь: венецианские награды становились для начинающих и опытных советских постановщиков таким сертификатом международно признанной профпригодности. Фестиваль дал путевку в жизнь Алову и Наумову, Таланкину, Тарковскому, Шукшину, Митте, Кончаловскому. Оценил «Гамлета» Григория Козинцева и «Зачарованные острова» Александра Згуриди.

«Медовый месяц» длился девять лет. В 70-х Венецианский международный лишился конкурсной программы и едва не испустил дух. Из-за конфликта с правительством, желавшим отформатировать фестиваль, МКФ не проводился с 73-го по 78-й. В 1980-х отношения с нашей стра-

ной оставались стабильными, но прохладными. Единственное исключение — Сергей Соловьев, отмеченный Специальным дипломом жюри за «Спасателя» в 80-м и Специальным Гран-при жюри за «Чужую Белую и Рябого» в 86-м.

В 90-х лишь одна российская картина попала в списки лауреатов: «Урга — территория любви» Никиты Михалкова завоевала «Золотого льва» в 1991-м.

Спустя 16 лет, приехав на Мостру с картиной «12» и получив «Специального льва» за вклад в киноискусство, режиссер вспоминал: «Я бежал вдоль пляжа в день закрытия фестиваля и думал: Никита, если бы тебе сказали: «Ты получишь «Золотого льва», но за другую картину. Ты будешь режиссером той картины, которая получит главный приз. Но ты не будешь режиссером «Урги». Я тогда долго думал, когда бежал. И когда я добежал, решил, что хочу все же быть режиссером «Урги», что бы ни было. И тогда «Урга» получила «Золотого льва»...» А также добавим — открыла Венеции самобытный Восток. В 1992-м главный приз вручили «Цю Цю

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Андрей Тарковский. 1983

«Звонят, откройте дверь». 1966
«Иваново детство». 1962
«Урга — территория любви». 1991
«Дом дураков». 2002
«12». 2007

«Я шагаю по Москве». 1964

идет в суд» Чжан Имоу; до конца века дальневосточные «драконы» побеждали пятикратно.

В 90-е Венеция добилась того, чего давно и страстно желала, — стала фабрикой звезд кинорежиссуры — наперекор младшему брату — Канну, захватившему кинематографический олимп в конце 50-х.

Лазурный берег остался Меккой для художников европейской школы, те же, кто мыслил кино «перпендикулярно» традициям Старого Света, потянулись на Лидо. В такой спецификации имелись и издержки — нередко Венецианский МКФ становился заложником вкусовщины: открытые им вундеркинды усваивали «как надо» и, продолжая двигаться в одобренном коллегами направлении, заходили в творческий тупик. Живые примеры — неоднократно обласканные «львами» Чжан Имоу, Энг Ли, Ким Ки Дук.

Удалось ли Венеции сформировать элитный пул мастеров режиссуры? Вопрос дискуссионный. Но триумфаторы последних МКФ все чаще вызывают у критиков и зрителей недоуменные гримасы. И мы побеждаем на венецианском поле все реже, единственный российский режиссер, которому Гранд-дама подарила имя в новом

веке, — Андрей Звягинцев («Возвращение», 2003).

И все-таки Россию на Лидо не забывают: три года назад главный приз получил сокурковский «Фа-

**Между Россией
и Венецией существовала
мистическая связь:
венецианские награды
становились для
начинающих и опытных
советских постановщиков
этаким сертификатом
международно
признанной
профпригодности**

уст». Также в нулевые были отмечены Андрей Кончаловский («Дом дураков»), Ирина Евтеева (короткометражка «Клоун»), Алексей Герман-младший («Последний поезд») и «Бумажный солдат», Алексей Федорченко («Первые на Луне»)...

Какими бы парадоксальными порой ни казались пристрастия «Золотого льва», его завидный аппетит, врожденный авантюризм и

неутолимое любопытство служат наглядным подтверждением сентенции: в Венеции возможно все. Здесь помнят главное: важнейшее из искусств существует в изменчивом политико-культурном контексте, и если однажды конкурсный пазл сложится в монументальную картину, ее герой может оказаться «пятым элементом» — режиссером будущего.

В этом году участники состязаний выглядят внушительно: за победу борются «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» Андрея Кончаловского, «Шрам» Фатиха Акина, «Бердман» Александро Гонсалеса Иньярриту, «Голубь сидел на ветке, размышляя о жизни» Роя Андерссона, «Пазолини» Абея Феррары, «Мангхорн» Дэвида Гордона Грина, «Хорошее убийство» Эндрю Никкола и документальная лента Джошуа Оппенхаймера «Взгляд тишины».

Единственная программа, которая может конкурировать с главным конкурсом, — Venezia Classici. В ее рамках соревнуются отреставрированные, а главное, проверенные временем шедевры: «Украденные поцелуи» Франсуа Трюффо, «Железная маска» Аллана Дуона, «Макбет» Романа Полански и «Я шагаю по Москве» Георгия Данелии.

ФОТО: PHOTOPRESS

Эх, яблочко...

Максим Сырников

Антоновские яблоки, антоновка. Какой еще сорт яблок может называться самым-самым русским?

Хотя на самом деле антоновские яблоки — общее название сразу нескольких родственных сортов, распространившихся с начала XIX века по всей России. Изначально антоновку выращивали только в Курской губернии. Поэтому в Курске ныне находится уникальный в своем роде памятник антоновскому яблоку, а само оно стало неофициальным символом Курской области.

К концу XIX века в изобилии появились сорта антоновки, выведенные в иных губерниях. Например, в 1896 году тульский садовод Батов привез на Нижегородскую выставку антоновку тульскую.

Зимостойкость антоновки очень высока, а лежкость яблок превосходна. Но главное — именно антоновка более всего подходит для приготовления традиционных русских лакомств: моченых яблок, пастилы, варений, яблочного кваса.

«Если чрезмерное и исключительное увлечение едой есть животность, то высокомерное невнимание к еде есть неблагоразумие»
Академик И.П. Павлов

МОЧЕННЫЕ ЯБЛОКИ

Кроме антоновки для мочения годятся титовка, анис, осеннее полосатое и некоторые другие зимние сорта.

Яблоки перед мочением надо особым образом подготовить.

Никаких побитостей и червоточин на яблоках быть не должно. Даже плоды с темными пятнами в мочение не годны, их следует отложить для пастилы или кваса.

Подготовленные яблоки раскладываются в прохладном помещении таким образом, чтобы они не соприкасались между собой.

Перед замачиванием очень полезно запастись охапкой ржаной соломы. Ею, запаренной минуту-другую в кипятке, выстилают изнутри кадку или эмалированное ведро. Каждый слой положенных на солому яблок выкладывается листьями черной смородины, вишни, свежей мятой.

В кадку вливается заранее подготовленный рассол. Сверху размещаем деревянный кружок и небольшой (весом не более 1 кг) гнет. Первые несколько дней кадку лучше держать при температуре 16–20 градусов. Потом ее обязательно надо убрать в погреб или холодильник.

Время от времени необходимо проверять поверхность рассола — не появилась ли плесень. Если появилась, снимать немедленно, иначе есть риск порчи всей заготовки.

Вот четыре разных способа приготовления заливки для моченых яблок (рассчитано на 10 литров воды):

Три стакана ржаной муки развести в литре холодной воды и долить кипятком. Растворить в получившейся

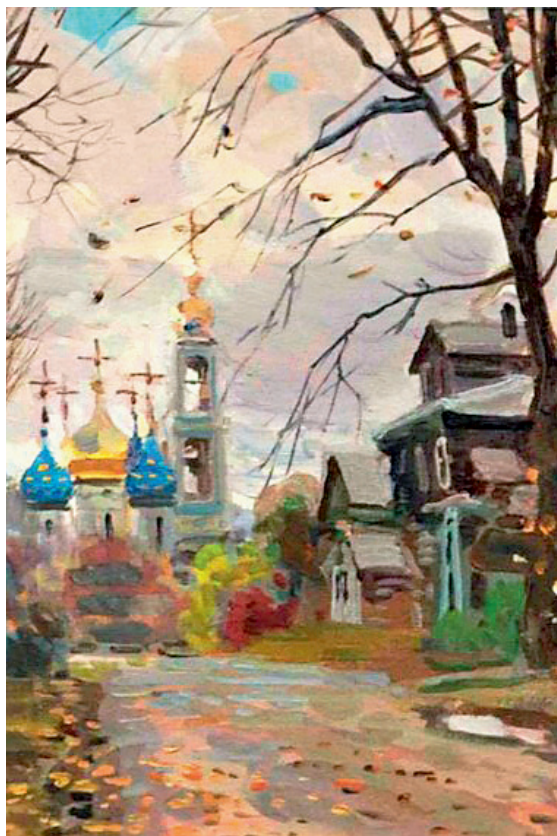
жидкости три столовые ложки соли и чайную ложку порошка горчицы. Процедить и остудить.

Три стакана измельченного ржаного солода заварить литром кипятка и тщательно размешать. Долить остальную воду, добавить три столовые ложки соли, чайную ложку горчицы и кипятить 15 минут.

Два стакана меда или патоки растворить в воде, добавить три столовые ложки соли, кипятить, снимая пену в течение 15–20 минут. Процедить и остудить.

Заварить в термосе (в течение нескольких часов) 100 г корня солодки, отвар процедить и добавить в рассол. Добавить три столовые ложки соли, довести до кипения и остудить.

Свой

сентябрь 2014

КУЛЬТУРА
духовное пространство русской жизни